

ВОЙНЫ
БУДУЩЕГО

Дмитрий ЯНКОВСКИЙ

РАПСОДИЯ ГНЕВА



ПОЛЕ БИТВЫ - УКРАИНА!

Дмитрий Валентинович Янковский

Рапсодия гнева

Серия «Рапсодия гнева», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120294

Рапсодия гнева: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-15259-8

Аннотация

Действие романа происходит в недалеком будущем после третьей чеченской войны. В Севастополе с помощью секретного оружия спецслужб неизвестные методично уничтожают членов американской религиозной секты, замешанных в каких-то темных антироссийских махинациях. Воспользовавшись поводом, НАТО делает попытку оккупировать Крым, однако возглавляемые таинственными мстителями местные жители организуют вооруженное сопротивление.

Содержание

Пролог	4
Вариация 1	6
14 ИЮНЯ. РАССВЕТ	6
Вариация 2	22
14 ИЮНЯ. УТРО	22
Вариация 3	38
14 ИЮНЯ. ПОЗИЦИЯ СНАЙПЕРА	38
НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД. ТРЕТЬЯ	61
ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА	
14 ИЮНЯ. ПЕРВЫЕ ВЕРСИИ	83
Вариация 4	88
14 ИЮНЯ. ЗЕЛЕНАЯ ПАПКА	88
Вариация 5	100
14 ИЮНЯ. ГОПНИКИ	100
Вариация 6	133
14 ИЮНЯ. ЭКСПЕРТНЫЙ ОТДЕЛ	133
Вариация 7	145
14 ИЮНЯ. ЕЩЕ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ	145
Вариация 8	163
14 ИЮНЯ. ТЕОРИЯ ДОБРА И ЗЛА	163
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Дмитрий Янковский

Рапсодия гнева

*Рапсодия – сложное музыкальное произведение, включающее в себя вариации на известную тему.
Большой Энциклопедический Словарь*

Пролог

Эта рукопись попала ко мне совершенно случайно.

Прошлым летом я ненадолго заехал в Севастополь навещать старого приятеля, председателя местного КЛФ. Его не оказалось на месте и пришлось ждать, преодолевая жару и неуютность душного помещения. Жаркое солнце настойчиво протискивалось под куцые выцветшие занавески. Я с разморенным безразличием перебирал книги на полках, то и дело морщась от годовалой пыли: Казанцев, Беляев, Обручев. Старые книги, добротные имена.

На верхней полке под руку попала потертая папка – одинокая, всеми забытая и никому, видимо, в этом мире уже не нужная. Серый картон и крупная надпись «Скоросшиватель». Плохая бумага, тусклые точки матричного принтера.

Я взял ее просто от скуки – все остальное читал не раз. Осторожно открыл и, заглянув в текст, сразу же наткнулся на странную строчку: «Вариация первая». И следом за ней:

«14 июня. Рассвет». Ни названия, ни имени автора. Непривычная фраза заинтересовала, и, открыв рукопись наугад, я пробежал несколько абзацев. Сначала показалось, что это талантливая пародия на детектив, но какая-то выпирающая эмоциональность, злая и откровенная, не вязалась с заезженным детективным сюжетом.

Секретарша, увидев мой недоумевающий взгляд, пояснила, что полгода назад папку кто-то принес да так и оставил – ни адреса, ни телефона. Рукопись никто не прочел, всегда находилось чтиво поинтереснее, чем потуги неизвестного автора.

К приходу приятеля я прочел уже не меньше десяти страниц, иногда с трудом продираясь сквозь текст, пестревший явными литературными огрехами. Сюжет был шит торопливо и неаккуратно, и мне сразу захотелось обозвать рукопись: «Скоросшиватель неизвестного автора».

Лишь через день, трясаясь в жарком вагоне поезда Севастополь – Москва, я решил, что назову роман «Рапсодия гнева».

На редактирование текста у меня ушло почти три месяца, но потом я понял, что зря трачу время – рукопись, безусловно, нуждалась в редактуре, но могла прекрасно обойтись и без нее. Не мешало бы убрать длинноты, но без них потеряется соль. Решил оставить почти так, как есть. В результате получилась...

Вариация 1

14 ИЮНЯ. РАССВЕТ

Жара подкрадывалась к городу уже третий день, но все никак не могла набрать полную силу. То легкий морской ветерок сорвет с асфальта душное марево, то разразятся дождем неожиданно возникшие тучи.

Но нынешний рассвет обещал день особенно жаркий.

Солнце медленно и величаво поднималось над плоскими крышами типовых пятиэтажек, а чуть заметные штрихи перистых облаков бессильно растворялись в светлой акварели небес. И в свежей тишине еще не разбуженного спокойствия казалось, что поток небесного огня рвется с востока подобно бурливой реке, и только белоснежные стены домов способны приостановить почти осязаемое давление света, подарить людям хотя бы подобие спасительной прохлады.

Сегодня вышло так, что следственная бригада городского Управления работала почти рядом – четыре минуты ходьбы от дома, так что Владиславу Петровичу, следователю районного отдела, даже не подумали предоставить машину. Вечная напряженка с горючим... А вот оперативники прикатали на выдавшем лучшие дни «уазике» – вместо брезента клепаное железо, на крыше допотопная мигалка брежневских

времен.

За сквером уже сновали люди в легоньких милицейских рубашках, а то и просто в футболках.

Лето.

Но Владислав Петрович из принципа футболок на работе не признавал да и форму надевал крайне редко. Он был уверен, что сотрудник его – ранга не должен выглядеть броско и не имеет ни малейшего права на неряшливость, поэтому поверх довольно старенькой, но опрятной серой рубашки надевал легкий летний пиджак чуть более темного цвета. Брюки, в тон пиджаку, рассекали воздух безупречными стрелками, а сквозь вырезы ухоженных сандалий явственно виднелись простенькие синие носки. Владислав Петрович не замечал несурязицы – в городе так ходили многие. Он был уверен, что выглядит вполне солидно. Правда, в самую жару пиджак все же переключивал на сгиб локтя, но пока тени деревьев цепко держали утреннюю прохладу, его можно было не снимать. Опять же скорее для солидности, чем для сохранения тепла.

За этой напускной солидностью следователь будто прятал истинное лицо души, а сетка морщин вокруг серых глаз выдавала затаенную, давно накопленную усталость. И лишь самые близкие друзья, а их было мало, видели его без привычной душевной маски, лишь они знали, что она скрывает.

Владислав Петрович прошел через сквер, наслаждаясь последними секундами спокойствия. Когда-то тут жили бел-

ки, но то ли шумно стало, то ли с едой тяжело – теперь только жирные голуби лениво разбегаются из-под ног. Воркуют. Хлопают крыльями.

Высокий курчавый милиционер при форме и новеньких капитанских погонах приветливо помахал рукой, присев на передний бампер «уазика».

– Владислав Петрович! – позвал он. – Без вашего совета никак!

– Что тут такое, Эдик? – для проформы спросил Владислав Петрович, хотя прекрасно знал, из-за чего его вызвали.

Прямо посреди тротуара лежал труп. Лежал лицом вниз, бессильно раскинув руки в падении, пальцы скрючились, обломав ногти о залитый маслом асфальт. Под тем, что осталось от головы, огромная лужа высохшей крови, с десяток мух уже устроили на ней отвратительный пир. Мужчина, но возраст сказать трудно, одет по погоде, но как-то особенно. Не сказать, что броско, просто в каждом шве белоснежной рубашки и брюк виднелась недостижимая для простых магазинов добротность. Носки, кроссовки – за километр видать, что брались не на толкучке. Даже валявшаяся в полуметре синяя бейсболка сделана на совесть – с яркой желтой вышивкой вместо набитой через трафарет краски. У нас таких нет. А если и попадаются, то чаще у тех, кто приехал «оттуда».

Владислав Петрович присел и, наклонив голову, прочел надпись на кепке. Безупречная гладь шелковых ниток сложилась в английские слова – «The Mission of Hope». Ого!

Даже не их ширпотреб. Заказная, чуть ли не именная.

– Смотрели? – поднимаясь, указал он Эдику на никому уже не нужный головной убор. – Не удивлюсь, если там начертано его имя.

– Как раз имя мы только что выяснили... – отмахнулся Эдик, вставая с бампера и отряхивая форменные брюки. – А вот причина смерти неординарнейшая. Сережа, поди сюда!

Молоденький светловолосый лейтенантик подбежал с готовностью официанта в дорогом ресторане, у него даже маленький блокнотик был, как у официанта. Еще бы полотенце через руку и милицейскую форму сменить на белый костюм...

– Знакомься, это наш следователь, – кивнул ему Эдик. – Рассказывай, только не сильно умничай, а то от твоих речевых оборотов меня иногда мутит. Честно. Но ничего, недельки через две вся книжная заумность из тебя выветрится и будешь ты нормальным, образцово-показательным ментом.

Сергей недовольно скривился, но смолчал. Он уже считал себя вполне образцово-показательным, но говорить об этом, не прослужив после училища и недели, наглости не хватало.

– Владислав Петрович, – представился следователь, глянув мимо лейтенанта на встающее солнце.

Надо бы уже снять пиджак, но пока еще терпимо. Хотя сегодня день будет жарким на редкость.

Он вопросительно глянул на лейтенанта Сережу. Тот раскрыл блокнотик и произнес с сухой официальностью судеб-

ного протокола:

– Ну... Мы установили, что смерть предположительно наступила вследствие получения травмы, не совместимой с жизнью, – потом опомнился и добавил уже спокойнее: – Голову ему снесло. Да... Позже медэксперты определяют тонкости. Но вот что интересно... Голова разлетелась от пули.

– Ого! – не выдержал Владислав Петрович. В городе стреляли не часто. – Калибр? Дистанция?

– Вот то-то и оно! – У Сергея аж глаза загорелись. – Никаких соединений азота, образующихся при выстреле, никаких следов ожога. Стреляли с расстояния более чем пятнадцать-двадцать метров. А вот калибр... Мы нашли пулю. Даже старания особого не понадобилось – влетела вон в ту стену. Известняк! Повезло, можно сказать, почти целая.

Сергей с гордостью извлек из брючного кармана прозрачный пакетик.

Огромный кусок свинца растопорщился обрывками омедненной оболочки, а вперед, словно блестящее жало механической осы, выдавался толстый стальной сердечник.

– Двенадцать и семь миллиметра... – многозначительно шепнул лейтенант. – Как вам? Точно такие же в крупнокалиберных пулеметах, что на танках стоят.

– На БМП, – поправил его Владислав Петрович. – Да, такой с собой не потаскаешь... Линию огня просчитали?

– Конечно! – кивнул Эдик. – Очень четкий угол вхождения в известняк. Погрешность на поражение цели, глубина

входа. Нехилая глубина, скажу я вам! Нехилая. Еле выбили зубилом. Конечно, неизвестна длина ствола, кривизна баллистической траектории, но это все позже узнаем. По моим прикидкам, учитывая рост погибшего, выстрел мог быть произведен с того края сквера, но...

Владислав Петрович оторвал от пули недоуменный взгляд.

– Дело в том, что стреляли с большой высоты – пожал плечами Эдик. – Таких деревьев в сквере нет. Домов с той стороны тоже.

– Не с самолета же! Сколько, кстати, было выстрелов?

– Один! – с воодушевлением поведал Сергей. – Точно в середину затылка.

– Да, – подтвердил Эдик. – Пуля на траектории была очень стабильна. Оружие явно не самодельное. Тем более такого калибра.

– Что у нас насчет армейских образцов? – поинтересовался Владислав Петрович. – Про зарубежные не спрашиваю, потом покопаемся. Что из отечественной техники?

– КПВТ, – глянул в блокнотик Сергей. – ДШК. Многоствольные зенитные устройства. Вроде все.

– Громоздко, – скривился Владислав Петрович. – Но чудес вроде не бывает на свете.

Он бросил пристальный взгляд над деревьями сквера, но ничего особо приметного не разглядел. Чистое небо. Бред какой-то. Солнце, медленно раскаляясь, величаво поднима-

лось над крышами, на лбу робко блеснули первые капельки пота.

– У кого-нибудь есть бинокль? – неожиданно для самого себя спросил Владислав Петрович. – Так давайте!

Сергей ветром унесся в «уазик», в утренней тишине гулко хлопнула дверь, и лейтенант тут же возник, как чертик из коробочки, с биноклем в руках.

– Хорошая оптика. Двенадцать на сорок, – похвастался он.

Владислав Петрович молча взял бинокль, придвинул к глазам и принялся вертеть окуляры настройки.

– Так... Что?! – Он оторвал взгляд от оптики и воззрился Эдику в глаза. – Самим посмотреть было трудно?

– Ну что там? – нахмурился Эдик.

– Труба! Кочегарка третьей городской бани.

– Но ведь до нее километра три... Черт... Снайпер? Что-то я о снайперских винтовках такого калибра и дальности действия не слыхивал. Вот денек... В нашем захолустье осталось только снайперу объявиться. Для полного счастья.

Эдик зло опустил на корточки и снял с пояса рацию.

– Пятый, я Пятьдесят восьмой... Пятый, Пятьдесят восьмому на связь!

Рация ответила невнятным шипением.

– На связи пятый... – прервал шипение голос дежурного.

– Вызывайте бригаду из области. У нас тут... э-э-э... особая ситуация. И пришлите труповозку из госпиталя, а то на-

роду сейчас соберется больше, чем мух.

– Пусть пригласят Фролова, – посоветовал Владислав Петрович. – Он кое-что смыслит в этих делах.

– И оружейного эксперта вызывайте, – кивнул Эдик.

– Но он... – Сквозь шипение помех в голосе дежурного послышалось осуждение.

– Я знаю, что он гражданский! Пусть приходит в кабинет дежурного следователя. К десяти. Конец связи.

Он прищелкнул рацию к поясу и, не вставая, потянулся.

Владислав Петрович ухмыльнулся – маленький городок и все вокруг такое же мелкое, будто живет по своим собственным законам. В Москве на такое убийство выехали бы все мыслимые и немыслимые спецслужбы, от журналистов уже бы отбою не было, а тут бригада из области – наивысшая крутизна. Хотя, если что-то раскопают, может, приедет толпа клерков из Киева. Трясина. Но в этом есть свои плюсы – можно держать руку на пульсе. В Москве бы к такому делу гражданского эксперта на нюх бы не подпустили, хоть он триста раз спец и сто лет до этого прослужил в милиции. А тут дежурный поморщился, но все равно сделал так, как сказал оперативник. Иначе и быть не может. И за себя следователь не беспокоился – от дела не отстранят. Что может тут областная комиссия, а тем более государственная? Только брюшками потрусить да добыть сведения, выходящие за рамки города. Все информаторы и все связи в руках местных структур. Так что область только поможет, чем сможет, да

по окончании дела всю славу себе приберет. Как всегда...

– Н-да... Веселая неделька нам обеспечена, – сощурившись на солнце, сказал Эдик. – Навалилось все разом. Уже слышали про назревающий конфликт Украины с Россией из-за Крыма?

– Мельком... – припомнив утреннее радио, ответил следователь. – Нашли из-за чего перецапаться. Думаешь, далеко зайдет?

– А черт его знает. Сколько раз уже было? Но дальше, чем в девяносто четвертом, еще не заходило. Помните, как хохляцкие «СУ-27» на штаб ЧФ боевые заходы делали?

– Хохляцкие... На себя посмотри, – улыбнулся Владислав Петрович.

– А что я? – вставая, улыбнулся Эдик. – Я полукровка.

– Да все мы тут полукровки, – махнул рукой следователь. – Не в этом поколении, так в предыдущем. Если вдруг что, не дай бог, так не разберемся, кто враг, а кто друг. Но если серьезно, Эдик, то мы МВД Украины, как ты помнишь. И прежде всего должны соблюдать законы государства.

– Вы это серьезно?

– Совершенно.

Эдик неопределенно пожал плечами, щелчком сбив с рубашки обнаглевшую муху. Иногда следователь откровенно его раздражал. Хотя бы такой вот плакатной правильностью, больше присущей дрянному коммунистическому листку, нежели живому человеку.

– Эх, Владислав Петрович, а вам не интересно узнать личность убитого?

– Узнаю в управе...

– Да нет. Я про ваш личный интерес. Неужели не любопытно узнать, кого грохнули таким необычным способом?

– Не тяни...

– Ха! – вставая, улыбнулся Эдик. – Это, между прочим, гражданин Соединенных Штатов Алекс Бертран. Служащий так называемой «Миссии надежды». Проповедник, можно сказать. Они пару комнат снимают в кинотеатре «Москва», читают проповеди, учат детей английскому. Задаром, между прочим. Так что личность, коль соблюдать закон государства, со всех сторон положительная и, по всей видимости, связей, порочащих его, не имел.

– Да? – бесстрастно спросил Владислав Петрович. – Сейчас это модно. Ты свою Анюту туда устроить не пробовал? Английский с тринадцати лет – самое время. Тем более учиться у носителей языка. Ну и задаром. С нашей-то зарплатой.

– Устраивал! – отмахнулся Эдик. – Толку нет. Во-первых, жена взвыла. Чего, мол, дитю будут голову иноземной верой забивать. Они же там охмуряют по полной. Хотя лично мне без разницы, какой поп ей втирать будет – бородатый или с белым воротничком. Кто-нибудь когда-нибудь все равно до нее доберется. У нас хоть Церковь от государства и отделена, а каждое утро по телику все одно твердят о спасении души.

Но сама Анюта пару раз сходила, и ни в какую! Скучно, говорит. Зачем, говорит, мне этот английский, если через пять лет весь мир будет по-русски говорить?

– Водает! – усмехнулся Сергей, пряча пулю в карман. – Прямо уж весь? Нам бы из дерьма хоть немного вылезти, а не рыпаться бестолково. Пошла у молодежи новая мода – на Америку бочку катить. Мол, там они плохие, а тут вообще... От ума ли такая мода? У Америки учиться надо! При чем всему, чему только можно. Они ведь нас по всем статьям обошли! Одежду они нам шьют, машины нам делают, компьютеры эти... У них дети чуть ли не с пеленок во всей этой технике разбираются, с пяти лет в Интернете мультики смотрят.

– Ну... – Эдик качнул головой. – Не только мультики, надо сказать. Всему без разбору я ни у кого бы учиться не стал. А тем более детишек учить. Пусть сами выбирают свой путь.

– Выбрали уже... – махнул рукой Сергей, направляясь к «уазику». – Теперь живем, как в яме с дерьмом, и выхода не предвидится. Знаете, на кого похожи наши тинейджеры, взявшие моду хаять Америку? На Моську, что лает на слона. Тяв, тяв... А у самих в карманах ветер... Да и в голове тоже. Вон поглядите – вся Европа уже американизируется! Одни мы в хвосте.

– Ладно, поехали в управу, – хмуро прервал его Эдик, открывая заднюю дверцу «уазика». – Садитесь, Владислав Петрович.

Они уселись на потертые кресла, а Сергей, в прыгнув на сиденье водителя, нервно повернул ключ зажигания. Двигатель затрясся, как старая кофемолка, фыркнул, под днищем что-то стрельнуло, и лишь потом мотор завелся, чихая и кашляя на каждом такте. Сергей сплюнул в окно и со скрежетом вогнал первую передачу.

– Чтоб его... – ругнулся он. – Старая кастрюля... Ну разве не пример? Они там на «джипах-чероки» разъезжают, а мы в этих душегубках... Нет уж! Если вдруг когда-нибудь начнется война с Америкой, так я первым сдамся в плен. На фиг! Надоело все хуже горькой редьки.

Машина тронулась нервным рывком, между ногами оперативников перекатилась пустая бутылка из-под пепси, а под водительским креслом брякнула облупленная жестяная канистра. Но Владислав Петрович успел ухватиться за матерчатую петлю над дверцей.

– Как-то позорно звучит – плен, – пожал он плечами. – Не кажется?

– Господи, – устало покачал головой лейтенант. – Что значит – позорно? Вы, извините, представитель старого поколения, которое еще помнит ужасы войны. Это таким, как вы, сталинская пропаганда вдалбливала совершенно ужасные «истины», что лучше умереть, чем сдаться.

Сергей вывернул на главную улицу и, включив мигалку, поддал газу.

– Умереть... Вслушайтесь в само слово! – взволнованно

продолжил он. – Жуть! Это и говорит о нашей ненормальности, неужели не ясно? Готовы умереть за родину, за идею, за вообще непонятную честь, словно дикари-самураи во времена затертых веках. Мы тут все психи... В большей или меньшей степени. Да и от таких условий свихнуться немудрено. А вот американцы совершенно нормальны, для них человеческая жизнь бесценна. Они и во Вьетнаме, и в других заварушках запросто сдавались в плен, их потом освобождали, и никто даже не думал судить. А у нас по десять лет несчастным давали. В лучшем случае! Не пойму только, зачем они возвращались на эту поганую родину?

– Открой ветровик, – попросил его Эдик. – Жарко, спасу нет. И заканчивай свои проповеди, лейтенант. Не знаю почему, но они меня злят. Вроде слова все правильные, а внутри аж клокочет.

– Вы просто привыкли к тому, что американец – враг, – скривился Сергей. – И что идеология их нам чужда. Ни фиги! Их идеология создала и распространяет по свету общечеловеческие ценности.

– Какие? – не выдержал такого напора Владислав Петрович.

– Ну... – Сергей немного замялся. – Понятие о бесценности человеческой жизни в первую очередь. Потом понятие о том, что никто лучше тебя самого тебе не поможет. Вообще, они все умеют упростить до нормальности. И подставить под это идеологическую базу. Мы тут усираемся, созда-

ем какую-то маразматическую мораль, основанную на чести, достоинстве и прочем, чего сами себе объяснить не можем. А они всю мораль упростили до Фрейда. И разве не правы? Человек – это просто разумный зверь. Из этого и надо исходить, они из этого и исходят. Материальный достаток – основа благополучия. Разве с этим поспоришь? У них вся мораль идет от простого и понятного доллара, а у нас от каких-то заоблачных сфер. Идиотизм...

Он вырулил на брусчатку и, придавив скрипучий тормоз, начал спускаться с крутой горы.

Эдик, нахмурясь, глядел в окно, а Владислав Петрович пытался обдумать сказанное. Мальчишеский бред, конечно... Юношеский максимализм. Поиски истины. Все мы проходили через это. Но у нас была своя истина, а у них своя. Мораль, упрощенная до доллара. Первое слово, которое просится на язык в данном случае, – это примитивизм. Но они его не боятся. Они на сто процентов уверены, что не стоит ничего усложнять, что мир прост и предсказуем, как стакан воды. Нужно лишь подойти и выпить его одним глотком.

Владислав Петрович усмехнулся, пытаясь определить свое отношение к американцам. Во-первых, нельзя говорить за всю нацию. Есть и хорошие американцы, и не очень, а уж о правительстве и вовсе лучше молчать. То же самое и с русскими, и с любой другой нацией. Это главный постулат. Но все же... Мораль может быть хорошей и плохой, развивающей или отупляющей. И если она преобладает в стране, то

рано или поздно завладеет большинством умов нации. Тут уж ничего не попишешь. Иногда это вызывает раздражение, иногда даже непонятную злость. И все же... Это не повод для того, чтобы убивать. Не повод.

– Приблизительный мотив убийства не прикидывали? – спросил он Эдика.

– Точно не ограбление, мы у этого Алекса полторы штуки баксов в кармане нашли. Так что, может быть все что угодно. От ревности до американофобии. Вам разбираться, Владислав Петрович, в своем районе вы как рыба в воде. Сами ведь знаете, что областная бригада – это скорей для солидности, а прокуратура все равно будет опираться на вашу работу. Зайдите в кинотеатр, побеседуйте с коллегами покойного. Наверняка что-то всплывет. А может, вообще случайно под пулю подвернулся...

– Под такую пулю случайно не подвернешься, – скривился следователь. – Стрелял явно мастер. Надо с Фроловым переговорить, он силен в стрельбах с дальней дистанции. Ну и в кинотеатр, само собой, зайду. Кстати, Сережа, выкинь меня на площади. Я пешочком пройдуся.

«Уазик», хрипло урча, полез в гору, солнце раскалилось уже до оттенка расплавленной стали, заливая город лавиной жаркого света. И это только утро...

Брусчатка вывела на площадь, пестревшую цветочными клумбами. Сергей вдавил педаль тормоза, и Владислав Петрович ухватился за переднее сиденье.

– Ладно, Эдик, – открывая дверцу, сказал он. – Встретимся в управе. Часам к десяти буду точно, а то и раньше. Если что, пусть Фролов подождет.

Вариация 2

14 ИЮНЯ. УТРО

Кинотеатр «Москва» был когда-то крупнейшим кинотеатром города. Владислав Петрович прекрасно помнил время, когда огромные толпы собирались в кассах, чтоб купить заветный билетик на Жерара Депардье, Алена Делона или Пьера Ришара. Иногда в город попадали и американские ленты, тогда в кассах творилось нечто совсем непотребное, а удачливые спекулянты спихивали билеты за тройную цену. Что тогда шло? «Золото Маккены», «Вожди Атлантиды», «Великолепная семерка». Город визжал от восторга и пересказывал ленты в троллейбусах... Было.

Но зарождающееся видео доказало, что смотрим мы все же не то. Жалкие постреливания в «Золоте Маккены» и «Великолепной семерке» оказались сопливой мелодрамой в сравнении с настоящими американскими боевиками, герои которых рвали экраны телевизоров в кровавые клочья. Перипетии сюжета, сомнения и находки героев быстро свелись к банальной борьбе тех, кто любит Америку, и тех, кто ее ненавидит. На героях боевиков, казалось, висели незримые таблички – «хороший» или «плохой». Без всяких сомнений. Сиди и смотри!

Хотя для русского зрителя такие таблички были и остались некоей условностью. В этих фильмах качество героев определялось отнюдь не по их действию, поскольку все герои делали лишь одно – убивали. Плохого от хорошего можно было отличить лишь по этой вычурной авторской метке, когда все, начиная от наружности и кончая привычками, указывало на то, что герой плох. Хороший же определяется еще проще – он убивает плохих.

Да, американцы действительно умеют упрощать. Что такое воспетая в Европе любовь? К чему эти страдания, сопли и слезы, если в начале и конце есть только секс? Чистый и приятный. А главное, безответственный. Он-то и стал одним из наиболее заезженных разбавителей непрерывного убийства в голливудском кино. Хотя далеко не все ленты усложнялись даже до этого.

Любовь – это сложно. Зачем усложнять мир? Зачем страдать, зачем нести ответственность за любимых? Американцы доказали, что есть лишь влечение полов, а любая неудовлетворенность является причиной страданий. Долой ее! Красочно, интригующе, возбуждающе. Видео это может...

Запустение и перепрофилирование – вот участь кинотеатров маленьких городков. Зачем платить три гривны за билет, если можно за пятьдесят копеек взять любую кассету? Да, американцы задели нужную струнку в душах людей. Путь наименьшего сопротивления. Чистая физика. Вот и все. Такое перебороть в себе сложно. Не все даже думают, что с

этим стоит бороться.

И хотя бум кинобоевиков тихо утонул в мерцающем свете домашнего видео и настойчивого телевидения, фасад кинотеатра запущенным не смотрелся. На первом этаже яркая реклама видеопроката, справа увешанная искусственными цветами решетка пивного бара, а за зеркальными стеклами второго этажа мебельный салон. Это хорошо, когда коммерсанты вкладывают часть денег во внешний вид занимаемых зданий. Хоть наружность нормальная. До сути ли сейчас?

Владислав Петрович толкнул прозрачную дверь видеопроката и с наслаждением окунулся в прохладу кондиционированного воздуха.

– Здравствуйте! – поздоровался он с симпатичной девушкой, стоящей за стойкой с кассетами.

За ее спиной притаился небольшой телевизор, на экране которого мужчина и женщина занимались любовью. Полутьма комнаты, мятые простыни. Звуча не было, но Владислав Петрович почувствовал себя неудобно.

– Доброе утро! – улыбнувшись, ответила девушка. – Дать список или вам нужно что-то конкретное?

Сзади мягко прошелестела открывшаяся дверь, и следовательно с содроганием услышал задорный мальчишечий голос:

– Мама, мама! Вон на той стойке все кассеты с мультиками! Давай чего-нибудь купим! Ой, смотри как дядя в кино тетю мучает! Он что, маньяк? Давай возьмем этот фильм!

Смотри, как она лицом кривится...

– Рано тебе еще такие фильмы смотреть! – смутившись, ответила богато одетая женщина лет тридцати. – Пойди лучше посмотри, какие сегодня мультики есть. Давай, давай! А это для взрослых.

Она вплотную подошла к стойке и шепнула девушке:

– Тут же дети ходят! А вы порнографию крутите. Не знаю, как вам, а мне перед сыном стыдно.

– Это не порнография! – заученно парировала девушка. – Это эротика. Разбираться надо! Она у нас уже давно законом не запрещена. Все же культура и до нас добирается, хоть и медленно. Что нам, на одних мультиках бизнес делать?

Женщина безнадежно махнула рукой и пошла к сыну, любопытно глазевшему из-за стойки с кассетами на экран телевизора. Он уже, видимо, понял, что дядя тетю не мучает.

Владислав Петрович ждал, что столь откровенная сцена сменится чем-то другим, но половой акт длился неестественно долго, словно рекорд времени был его единственной целью.

– Хотите что-нибудь в таком духе? – проследив за его взглядом, спросила девушка. – У нас есть и гораздо круче. Сама я пересмотрела все, так что могу посоветовать. Вас какие моменты интересуют?

Владислав Петрович почувствовал, что щеки заливаются краской. Но девушка расценила это по-своему и снова ободряюще улыбнулась:

– Вот тут у нас есть обычная эротика, но это уже устарело...

– Что значит – устарело? – приходя в себя, спросил он. – Оно вроде вечное...

– Ну... В Америке такое уже не смотрят. Приелось. Вот тут у нас есть со сценами насилия, тут гомосексуальные сцены, есть даже новые, с мастурбацией. Без всякой порнографии, между прочим. Просто красиво. У нас даже работала специальная комиссия из мэрии. Все утвердили.

Владислав Петрович внутренне содрогнулся. Вот оно как! Обычная эротика американцев уже не интересует. Может, и приелась, конечно, но, скорее всего, дело в другом... Просто чувства, как и мозги, имеют свойство притупляться от бездействия. Заменяв чувство любви ОЩУЩЕНИЕМ, сексом, они сами стали на этот путь, прямиком ведущий в тупик. Теперь им, как наркоманам, живущим одними лишь ощущениями, нужен наркотик все более сильный. Эротика? Фи! Разве может возбудить зрителя обыденное совокупление? Надо двигать культуру вперед! Больше экстрема, больше дремучих инстинктов, меньше дурацких моральных запретов. Сейчас уже сцены сексуального насилия и гомики, с наслаждением рвущие друг другу анус, а завтра что? Что-нибудь придумают...

– Нет, спасибо, – собрался с мыслями следователь. – Не сейчас. Скажите, где тут располагается «Миссия надежды»?

Улыбка медленно сошла с лица девушки. Она явно почув-

ствовала себя неловко.

– Извините... – тихонько сказала она. – Я не знала, что вы религиозны... Они на втором этаже. Левее мебельного. Извините, пожалуйста!

– Все нормально, – кивнул Владислав Петрович.

Он обернулся и хотел уже потянуть дверь, но замер, услышав голосок мальчика.

– Хочу «Том и Джерри»! – канючил ребенок.

– Ну сколько можно? У нас уже три сборника! – пыталась противостоять мама. – Одна кассета еще ладно... Хотя мне не нравится. Колотят друг друга почему зря. Глупость какая-то.

– Сама ты глупость! Это же смешно! А то бабушка поставила мне «Морозко»... Уснуть можно!

Владислав Петрович распахнул дверь и вышел в духовочную жару набиравшего силу дня. На душе медленно нарастало что-то похожее на бессилие, но и оно быстро затаилось под привычной маской солидности. Или безразличия? Но что можно сделать? Бетон головой не проломишь!

Последнее время он все чаще стал замечать, что внешний вид здорово искажает внутреннее содержание. Это самый настоящий обман, когда за красивой этикеткой прячется низкосортный товар, а за ухоженным фасадом крутят разрешенную мэрией порнографию. Хотя нет... Это эротика. Читали же лекцию в управе, чтоб милиция не кидалась задерживать торговцев разрешенной продукцией. Получается

приблизительно так, что эротика – это показ интимных отношений людей, а порнография показывает не только это, но делает упор на показ физиологических состояний, фаз возбуждения, оргазма и эякуляции, а половые органы показывает нарочито крупно.

«Да, разница серьезная... Интересно, а изменения лица при половом акте не показывают стадию возбуждения и оргазм? Старею... Становлюсь старым бурчливым перцем. Понемногу проходит гормональная обусловленность желания, вот и бурчу. А молодым это все интересно. Может, даже полезно... Так говорят. Только я никак не могу взять в толк, в чем же, собственно, польза».

Почему-то у русских так повелось, что все сказанное «зарубежными специалистами», особенно американскими, безоговорочно принимается на веру. Ну хоть кто-нибудь задумался, в чем конкретная польза от просмотра таких фильмов? Зачем... Американцы смотрят, значит, это уже признак культуры. И мэрия с чистой совестью дает разрешение. Чего стесняться? Весь цивилизованный мир смотрит! Глупо выглядеть дикарями.

Он прошел несколько ступенек по ведущей на второй этаж лестнице и брезгливо сморщил нос – снизу отчетливо воняло застарелой мочой. На жаре особенно мерзко. Вот вам и ухоженный фасад...

«Упрощаем, упрощаем... Тридцать метров от пивбара до уборной нет сил пройти, гадим прямо под лестницей. Путь

наименьшего сопротивления, чего уж тут. Н-да... Если Сергей прав и американская культура построена на упрощении, то я против ее распространения. Категорически. Вот только кто меня спросит?»

Он остановился и скovyрнул пальцем облупившуюся краску перил.

– И все же это не повод для убийства, – вслух сказал он. – Где тут эта миссия? Пока найдешь, рабочий день кончится...

Лестница вывела на второй этаж, сверкавший чистотой. Подъем напомнил о том, что пиджак уже явно лишняя деталь туалета, и Владислав Петрович привычно закинул его на сгиб левого локтя.

Миссия занимала две комнаты, когда-то бывшие подсобными помещениями. Тесновато, но проповеди тут явно проводятся в кинозале. На лакированных дверях красивые таблички из зеленого стекла озолоченными буквами – «Миссия надежды». На двух языках.

Стильно.

На стене меж дверей красуется яркая афишка на глянцевой бумаге, рассказывающая о программе миссии. Розовощекий Иисус ведет за собой толпу счастливых детей.

Впечатляет.

Бесплатный английский, рисование, современные танцы, курсы кройки и шитья на куклу Барби. Проповеди, конечно. Ого! Курсы компьютерной грамотности. Н-да... Это явно в цель. Многие увлекаются. Хорошая работа. А это что? С ав-

густа, после проповедей, выступления городских рок-групп и сексуальное воспитание для детей с четырнадцати лет. Это уже интересно. Не повод для стрельбы, но хоть какая-то зацепка к расследованию.

Над дверной ручкой ярким прямоугольником блестела пластиковая наклейка: «Coca-Cola» – тяни на себя».

«Упрощаем... Зачем думать? Все написано! Что пить, куда тянуть. Где-то я такое уже слышал, что свобода выбора – источник страданий. Интересно, американцы придумали эти таблички для себя или только на экспорт?»

Тянуть за ручку с такой надписью было глупо, толкать бесполезно. Владислав Петрович вздохнул и постучал в дверь.

– Войдите, открыто! – ответил приятный женский голос с едва заметным иностранным акцентом.

Владислав Петрович не был упрямым и сам удивился тому, что дверь открывать не стал. Несколько лет уже не шел на принцип, а тут зацепила такая мелочь. Или все накапливается до некоей критической массы?

Он снова постучал, и дверь с легким щелчком отворилась, вылив в вестибюль целый поток нежной прохлады.

За порогом стояла очень симпатичная женщина лет сорока – короткая стрижка темных волос, кремовая сорочка заправлена в такого же цвета брюки. Мило. Привлекательно. Хотя полноту в животе и бедрах можно назвать излишней. Кремовый пиджак висел на спинке внушительного кресла с гидроамортизатором. Круто. На столе огромный экран ком-

пьютера мягко светит разноцветьем заставки – ночной вид на статую Свободы.

– Доброе утро! – заученно улыбнулась женщина. – К сожалению, до августа у нас набор детей прекращен. Приходите с первого числа, будет новая программа, расширенная и улучшенная.

– Я в курсе, – немного смутился следователь. – Но пришел по другому делу.

Женщина изумленно подняла брови, сделала шаг в сторону, и он с дежурной улыбкой шагнул в кабинет, плотно прищелкнув за собой дверь.

– Вообще-то, я из милиции. Вы в курсе, что Алекс Бертран погиб сегодня ночью? Точнее, утром.

– Да, нас известили, – сухо кивнула она, не снимая с лица улыбку. – Вы что-то хотели узнать?

– Конечно! – с легким сарказмом ответил Владислав Петрович. – У нас в стране принято расследовать убийства.

– Да? – с не меньшим сарказмом наклонила голову женщина. – И это приносит какой-то результат?

– Иногда. Меня зовут Владислав Петрович, я следователь районного отдела внутренних дел. – Он достал и раскрыл удостоверение.

– Я – Марта Кори. Старший научный консультант миссии. Что вы хотите узнать?

Ее русский был великолепен, куда лучше, чем у большинства горожан. Разве что легкий акцент, заметный в звуках

«р» и «т».

– В первую очередь хотелось бы посмотреть ваши организационные документы, просто чтобы понять, чем конкретно вы занимаетесь.

Она выразительно пожала плечами, кивнула на стоящее в углу кресло и протянула пластиковую папку. Зеленую. С красивыми золотыми буквами на двух языках.

Так... По документам выходит, что они вообще не существуют. Почти. Зарубежная миссия под крылышком детского отделения Фонда мира. Некоммерческая организация, а значит, почти все взятки с них гладки. Есть только устав и задачи. Примерно то же, что и на афишке при входе. Некоторые права и никаких обязанностей. Нет даже банального «по существующим законам государства». В принципе верно, ведь контора с явно религиозным уклоном, а значит, на законы государства теоретически ей чихать. Главное, чтоб не практически.

– Нашли что-то интересное? – не смогла сдержать любопытства Марта.

– Нет. Составлено грамотно.

– У нас хорошие юристы.

– У вас в Америке вообще все самое лучшее. Так считают очень многие, – неопределенно улыбнулся Владислав Петрович.

– Поэтому мы и здесь. – Женщина легко переключилась на благожелательность. – Помочь вам чем можно, поддер-

жать психологически, а порой и материально. Нас тут любят. Хотите посмотреть книгу отзывов?

– Нет, спасибо. Я верю.

Владислав Петрович наконец-то понял, что такое «голли-вудская улыбка в тридцать два зуба». Да, у Марты все зубы были на месте. Ровные, белые, богатые. Но явно искусственные, ввинченные в челюсть по технологии имплантации. Интересно, они все подвергают себя этому или только те, кто работает за рубежом и у телекамер?

– Вас не удивляет, что Алекса убили? – внезапно спросил он.

Женщина несколько смяла улыбку, но мышцы лица настолько привыкли к этому стандартному положению, что полной серьезности ей достичь не удалось.

– Конечно, удивляет. У нас ведь нет врагов.

– Совсем? Оставьте вы свою книгу! Я говорю совершенно серьезно. Неужели все настолько довольны, что и упомянуть не о чем? Я, например, слышал о случаях, когда дети не желали ходить к вам после первых занятий. Поясните, пожалуйста.

У Марты в глазах появился нехороший огонек, настойчиво пробивающийся через служебную маску доброжелательности.

– А вы знаете, что такое русская лень? – тихо спросила она. – Когда дети тупо не хотят воспринимать преподаваемые им ценности, считая их скучными и ненужными? Вы ви-

дели опустившихся троечников в русских школах, которым наплевать совершенно на все? Какой там английский или рисование! Им бы только впустую перемещаться по улицам и пить мерзкое вино в подвалах.

Почти в точку... Если бы Владислав Петрович не знал Эдикову Аннушку с пеленок, он бы даже поверил. Сник бы глазами и согласился. Но Аня не была ленивой. Даже близко. Яркий, живой тринадцатилетний ребенок. Огонек.

– А других версий нет? – спокойно спросил он.

Марта запнулась. Она поняла, что шутки кончились.

– Я знаю, – продолжил следователь, – что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Теперь поясните мне внятно, что вы даете ВМЕСТЕ со своими занятиями. Мне нужна истинная причина присутствия вашей миссии в моем городе. И не думайте говорить о чистом альтруизме. В организационных документах есть строчка, по которой я, проявив формализм, могу вашу миссию прикрыть. Слушаю.

– Я уже сказала вам все как есть, – упрямо сжала губы женщина.

– Ладно... Значит, миссия пока прикрывается. Для вашей же безопасности. Будьте любезны предоставить мне списки детей, посещающих группы.

Она неохотно отперла ящик стола и протянула новую зеленую папку. Куда толще первой.

– Готовьтесь к прекращению деятельности, – вставая, сказал Владислав Петрович. – Сегодня или к понедельнику бу-

дет готово официальное постановление. Опечатаывать помещения я не буду, поскольку вы, кажется, и проживаете здесь. Но пришлю участкового, чтоб проследил за выполнением моей резолюции. Вам же лучше, если вы пока сошлетесь на технические причины прекращения занятий. Я попрошу участкового быть в гражданской одежде, чтоб не сильно вас подставлять.

Марта встала и включила роскошный электрический чайник.

Следователь с растущим раздражением смотрел, как двигаются ее холеные руки. «Подумать только... Я предупредил ее о закрытии, а она и бровью не повела! Словно звук пустой... Или ей в полной мере наплевать, что довольно странно, или она просто не воспринимает меня всерьез, как я бы не воспринял угрозы докучливого ребенка». Ему вдруг захотелось попросту ее оскорбить, обидеть, чтоб сбить эту спесь, но он сам испугался такого порыва.

– Да, еще... – словно внезапно вспомнив, спросил он. – Как долго Алекс работал в нашем городе?

– Два года. Он начинал вместе с миссией, нас тогда было трое – я, Питер Виллис и Алекс. Потом приехала Кэролайн.

– Программа миссии всегда была такой или изменялась по мере развития?

– Да, конечно, изменялась... Мы начинали гораздо скромнее. Из предметов поначалу был только английский, потом добавили рисование, а затем и остальное.

– В августе программа снова изменится?

– Да. Там у входа висит афиша.

– Я ее видел. Что подвигнуло вас ввести столь неординарный предмет, как сексуальное воспитание для детей четырнадцати лет?

– Это для вас он неординарный! – чуть не вспылила Марта. – Иногда только тактичность не позволяет мне употребить слово «дикари» по отношению к русским... Живете в каменном веке! Дети не знают, как появляются на свет, не умеют управлять чувствами, не знают их причины. Это хорошо? Мы же не звери, не дикари. Мы должны знать!

Владислав Петрович неожиданно вспомнил себя сорок лет назад. Вспомнил первые знакомства с девчонками со двора, опущенные взгляды из-под ресниц горячие щеки от нечаянного касания рук... Чужой портфель в руках, цветы с клумбы соседского дома, прогулки под зимней луной, разговоры о только зарождавшихся чувствах... Н-да... Было бы это, если бы в четырнадцать лет дети знали, зачем это все? Банальный половой акт в конце романтической первой любви. Нет уж, простите! Это все равно, что украсть детство, пионерские лагеря, задорные песни и яркий свет искристых костров. Романтика плотской любви должна приходиться следом за романтикой чистых чувств. Всему свое время.

– А как вы им объясняете? – взяв себя в руки, спросил Владислав Петрович. – На картинках?

– На схемах... – скривилась Марта. – На примерах зверей.

Есть даже контурные схемы полового акта людей, мы получили разрешение на их показ в районном отделе образования. Показать?

– Верю... – с испорченным настроением кивнул Владислав Петрович. – Ладно, я пойду. До свидания. Захотите помочь – звоните. – Он достал из кармана желтую бумажку с напечатанными на машинке телефонами. – А пока ваша деятельность приостановлена. До выяснения, так сказать.

С этой стороны над ручкой наклейки не было. Владислав Петрович улыбнулся и с удовольствием толкнул дверь, зажав под мышкой пухлую папку. Первый трофей в этом деле. Сколько их будет еще?

Вариация 3

14 ИЮНЯ. ПОЗИЦИЯ СНАЙПЕРА

Загорелый тридцатилетний мужчина со скучающим видом сидел на неудобной деревянной скамейке, протянувшейся вдоль душного, полутемного коридора Управления внутренних дел. Он был один, если не считать с десятков пойманных и убиенных со скуки мух. За дверями наглухо закрытых кабинетов урчали бакинские кондиционеры, хлопали печатные машинки, повизгивали матричные принтеры.

– Привет, Фролов, давно сидишь? – подходя, спросил Владислав Петрович.

– С полчасика уже. Задрался. Чего подняли в такую рань?

– Дело как раз под тебя заточенное. Веришь? – Следователь нарочно ввернул излюбленное словечко Фролова.

– Как родной маме, – сморщился парень. – Внучка отравила пирожками любимую бабушку?

Для такого возраста Саша Фролов был чрезмерным циником, но во всем остальном ему можно даже позавидовать. Привычная футболка маскировочного окраса ничуть не взмокла от ужасной жары, словно в коридоре вертелся неощутимый для других вентилятор, тело не поразило крепостью мышц, но в каждом движении чувствовалась лов-

кость профессионального танцора. На спортивных штанах, явно импортных, ни одной надписи, пляжные шлепанцы еще больше подчеркивали расхлябанный и довольно нелепый вид.

Владислав Петрович усмехнулся и, щелкнув ключом, настежь распахнул дверь. Он вдруг почувствовал, как сползает с души огорчение, даже вздохнул свободнее.

Солнце заливало кабинет от пола до потолка, рыжие казенные шторы только подчеркивали яркость врывающегося света, искрившегося тысячей игривых пылинок.

– Фух-х... Ну и денек! – бросая пиджак на стол, вздохнул Владислав Петрович. – Закрывай дверь, Саня, я кондишн включу.

Кроме стола в кабинете стояли пять расшатанных деревянных стульев с красной обивкой и облупленный коричневый сейф в углу возле двери. На столе, возвышаясь над грудой бумаг, как утес посреди океана, стояла допотопная печатная машинка с коряво выписанным инвентарным номером на каретке.

– Садись, садись, а то стоишь, как бедный родственник. – Следователь забросил на сейф пухлую зеленую папку и влез ногами на один из стульев, чтоб дотянуться до кондиционера.

Комната наполнилась неприятным дрожащим гулом, ставшим платой за водопад живительной прохлады, полившейся от окна.

– Так я прав насчет бабушки и внучки-отравительницы или стряслось действительно что-то серьезное? – нетерпеливо напомнил о себе Фролов.

– Ха! – слезая со стула, усмехнулся Владислав Петрович. – Не прав! Как тебе, к примеру, снайперский выстрел в голову? Ночью, с расстояния в три километра, пулей калибром в двенадцать и семь десятых миллиметра? А? Вот тебе и бабушка. Что скажешь?

– Офигеть! – искренне удивился Фролов. – Ты чего, Владислав Петрович, боевиков насмотрелся?

– Вот уж нет, Саша. У меня даже видика нет. Зато убили настоящего американца, одного из работников американской религиозной секты.

– Да ну?! – чуть не привстал Фролов. – Быть не может! Неужели этих уродов начали колбасить по-настоящему? Владислав Петрович, я сметаюсь, пожалуй, за пивком. Такое дело надо отметить!

– Прищепись! – одернул его следователь. – Тут убийство, а он радуется, как ребенок. Лучше скажи, из чего могли так садануть?

Фролов, не переставая улыбаться, задумчиво почесал макушку, короткий ежик темных волос отозвался скрежещущим звуком.

– Ну... Из наших, скорее всего, «Рысь» от НИИ «Точприбор». На ней всепогодный прицел и калибр как раз тот самый. Но ее достать нереально. Штучное производство! У нас

в области, может, найдется одна, не больше. Да и то сомнительно. Бандюкам она недоступна в принципе.

– Ну а где их применяли? – присаживаясь за стол, спросил Владислав Петрович.

– Первые образцы испытывали под конец афганской войны. Там они в «Кобальте» были точно, но, может, и в «Альф» давали. Точнее не скажу. Но через границу такую дуру не протянуть, даже думать нечего.

– А у нас?

– Спецназовцы применяли в первой чеченской войне, потом в Дагестане, когда басаевцев вышибали, потом во второй и в третьей чеченской. Так что я из нее тоже пулял. Веришь?

– Не верил бы, не позвал, – отмахнулся Владислав Петрович. – Кроме нее, есть что-нибудь похожее?

– Только за бугром, но те достать не легче. Каждая на особом учете. Дай лучше пулю поглядеть!

– Она не у меня. Сергея найди из ЭКО, он покажет.

Следователь вставил в машинку лист и поправил каретку.

– Скажи, – серьезно обратился он к Фролову, – с какого расстояния из этой штуки можно уверенно бить в голову?

– С двух километров.

– Ночью?

– Без разницы, – фыркнул Фролов. – Ночью даже проще – оптика не бликует, картинка в прицеле яркая. Там не простая оптика, а матрица, как в видеокамере. Есть дневной объектив, есть ночной.

– А с трех километров? – пристально глянул следователь.

– Это надо уметь! – не отводя взгляда, ответил Фролов. – Тут на одной технике не вытянуть. Нервы нужны стальные, а палец со спусковым крючком должны справить десять лет счастливого брака. И место для позиции надо выбирать тщательно. У этой байды знаешь какая отдача? Если не закрепиться, снесет на фиг. Веришь?

– Приходится. А если бы тебе пришлось стрелять с верушки трубы, какие в кочегарках стоят?

– Это как раз можно... Только внутри трубы надо установить распорки и бить, стоя на них, как из колодца. Иначе снесет!

– Хочешь поглядеть на позицию снайпера? – хитро прищурился Владислав Петрович.

– Дык! Еще спрашиваешь! Там уже работают?

– Нет, будем первыми. Я не хотел шум подымать, а то наедет экспертов, народ соберется... Каждая собака будет знать, что мы что-то ищем. Пока не стоит давать противнику лишнюю информацию. Верно?

– А то! Только дай я своей звякну, чтоб не ждала к обеду.

– Валяй.

Владислав Петрович лязгнул замком сейфа, открывая скрипучую дверцу, а Фролов принялся вертеть диск телефона.

– Алло! – весело крикнул он в трубку. – Марина, солнышко, я тут поработаю чуть-чуть. Да, с нашим угрюмым следо-

вателем. Обедать домой не приду, так что можешь лентяйничать, а вот ужин приготовь, хорошо? Может, задержусь, так что ты не беспокойся особенно, всякое может случиться. Да, хочу, чтоб ты знала, где я. Женьке приветик! Ага... Чмок! Пока.

Пластиковая зеленая папка легла в душный, пропахший железом и бумажной пылью полумрак сейфа, замок тяжелой дверцы дважды лязгнул, закрываясь, прежде чем выпустил на волю длинный стальной ключ. Фролов положил телефонную трубку на рычажок и задумчиво вымолвил:

– Знаешь... Убить в нашем городишке человека из такой винтовки, да еще на дистанции в три километра, – это все равно что поставить на месте преступления собственную подпись. Весишь?

– Надеюсь, – вздохнул Владислав Петрович, открывая дверь в коридор. – Надо бы еще выяснить, кому конкретно эта подпись принадлежит... В теперешней ситуации нам не хватало только громкого нераскрытого убийства иностранного гражданина.

– В какой такой ситуации?

– Ты что, вообще телевизор не смотришь?

– А что там смотреть? Как за меня решают, что именно нужно купить? Разберусь без рекламы.

– Я о развитии украино-российского конфликта. И так обстановка напряжена до предела, а тут еще отыскался умник... Ночной стрелок, будь он неладен. Так и вижу заголо-

вок в «Вечерке».

– Ах, это... – неохотно выходя из прохладного уже кабинета, фыркнул Фролов. – Рассосется. Верить?

– Поглядим. Хотя ты прав. Что может быть? В худшем случае Украина пошлет Россию подальше, официально объявив Черноморский флот иностранной военной силой. Пинком под зад – и адью. Драки не будет. Кому мы тут, Саша, нужны со своим Крымом? Уж России точно в последнюю очередь, у нее своих проблем хватит на десять лет. Если бы хотели отбить Крым, сделали бы это еще в начале девяностых. Как это ни печально, но у России на это кишка тонка. Так что в скором времени ЧФ перебазировается куда-нибудь в Новороссийск, а наши внуки будут говорить на чистой хохляцкой мове.

– Плакать хочется, – вздохнул Фролов.

– А что делать? – философски заметил Владислав Петрович, запирая дверь в кабинет.

Они спустились по душной, заляпанной побелкой лестнице на первый этаж, и следователь, оставив Фролова изучать обсиженные мухами стенды со статистикой преступлений, пошел в дежурку договариваться насчет машины.

– Тебе что-нибудь брать? – Через минуту Владислав Петрович выглянул из приоткрытой двери дежурки.

– Возьми обычный экспертный, – лениво пожал плечами Фролов. – И фотоаппарат прихвати. Только заряженный. Пойдем на память.

Еще через минуту следователь вышел из дежурки, неся в руке серый металлический чемоданчик эксперта, на левом плече болтался «Зенит» в сильно потертом чехле, а на правом висели на тонких кожаных ремешках выдавшие виды радиостанции «Виола-2».

– Поедем, как белые люди! – улыбнулся он. – На черной «Волге».

– В такую жару?

– Не дрейфь, Саня, там кондишн стоит, может, даже бар. Это машина первого зама по оперативной работе. Ему сейчас не до поездок, как ты понимаешь. Зато нам теперь всюду «зеленая улица», поскольку Дед выдвинул это дело в число важнейших.

– Очень лестно, – криво усмехнулся Фролов, снимая с Владислава Петровича фотоаппарат и рации. – А я в нем на каких правах?

– На птичьих, конечно. Тебя ведь из органов никто в шею не гнал, сам ушел. Так что на пряники не рассчитывай.

Саша чуть плотнее сжал губы. Да, он сам ушел из СОБРа. Когда в городе успешно подавили бандитский беспредел, бойцов, чтоб не мучились от безделья, стали привлекать к охране общественного порядка. А гонять на рынках бабушек, незаконно торгующих семечками, у него просто не поднималась рука.

– Послать вас всех, что ли? – беззлобно фыркнул Фролов. – И разгребайтесь, как хотите. У меня Маринка фасоле-

вый суп сварила, дома прохладно, спокойно... А я тут оши-
ваюсь, как дурак.

– Сдохнешь ведь от скуки, – широко улыбнулся Владислав Петрович. – Для тебя мирная жизнь, как для всех синильная кислота. Ну разве я не прав?

– Да уж... Сейчас и мирная жизнь такая, что только держись! Хрен соскучишься. Веришь?

Бара в машине все же не оказалось, зато кондишн тихо шелестел прохладным воздухом, вызывая бессильную зависть других водителей, с потными лицами глотающих через раскрытые окна раскаленный асфальтовый воздух.

Подтянутый молодой шофер, выдрессированный, как доберман-трехлетка, правил молча, только тихонько включил автомагнитола, из динамиков которой полились медленные инструментальные композиции. Фролов развалился на заднем сиденье, словно барин, он уже проникся ощущением собственной значимости в этом деле, а скромность никогда не входила в число его добродетелей. Ему бы еще сигару в зубы, получился бы вылитый мистер Твистер, правда, не толстый и без ручной обезьянки.

Вот только он не курил. Не курил уже несколько лет, после того как чеченский снайпер оставил ему на шее два круглых шрама пущенной на огонек сигареты пулей.

Владислав Петрович сидел на переднем сиденье и через строчку читал взятую в дежурке бумагу.

– Включил бы лучше радио, – попросил он водителя. –

Послушать, что там в мире творится.

Бесшумное нажатие сенсорной клавиши – и мягкое звучание музыки сменилось назойливой рекламой жевательной резинки «Дирол». Без сахара, разумеется.

– Во дают! – Самодовольная рожа Фролова расплылась в улыбке от уха до уха. – Карлесом они меня пугают... Вот мне делать больше нечего, как после обеда зажевывать этой дрянью вкус наваристого борща с чесночком. Ну не уроды эти юсовцы? Больные, честное слово!

– Кто-кто? – усмехнулся Владислав Петрович.

– Юсовцы, говорю. Ну, в смысле американцы. Хотя американцами они были да-а-а-вным-давно, еще когда О'Генри свои новеллы писал. Тогда да – вольный народ, нахрапистый, экспансивный, не лишенный определенного романтического шарма. А сейчас одно слово – юсовцы. Опустились ниже плинтуса.

– Да ну? – скривился следователь. – У них доходы государственного бюджета на несколько миллиардов выше расходов! А уровень жизни?

– Уровень чего? – с легкой злобой переспросил Фролов. – Разве это жизнь? Пожрать спокойно нельзя! Сразу суют тебе в пасть этот самый «Дирол». Да они, чтоб меньше болеть, скоро на внутривенное питание перейдут. Веришь? Компьютеры уже к унитазу подключают, слышал? – Он снова откинулся на спинку сиденья и уже спокойней сказал: – Вообще, мне по фигу. Каждый выбирает ту жизнь, какая ему нравит-

ся. Но пичкать этими нормами меня...

– На то есть своя голова на плечах! Не хочешь – не жуй. Может, кому-то вкус «Дирола» нравится больше, чем борща с чесноком? Не могут все вокруг быть дураками, а ты один умным. Вся Европа уже чавкает этим «Диролом», а ты морщишься...

За ветровым стеклом мелькали деревья бульваров и белые фасады роскошных пятиэтажек, построенных еще пленными немцами в пятьдесят четвертом году. Огромные сводчатые окна, скульптуры античных женщин, удерживающих на изящных плечах непомерную тяжесть балконов. Машина то поскрипывала тормозами, спускаясь с холмов, то урчала натруженной передачей, взбираясь на другие холмы. Город мало того что изрезан морскими бухтами, так еще и неровный, как лист измятой бумаги. Вроде и расстояние небольшое, а петлять приходится, словно зайцу от погони.

– В том-то и беда! – скривился Фролов. – Юсовцы очень умело используют стадный инстинкт. Тот самый, который помог человеку выжить во времена мамонтов и пещерных медведей. Достаточно показать по ящику, как красивая баба засовывает в покрашенный ротик белоснежную подушечку, тут же, вполне инстинктивно, в мозгах срабатывают тысячи подсознательных ассоциаций. Он жует, она жует, они живы, красивы и благополучны. Значит, эта рекламируемая дрянь чем-то повышает их шансы на выживание. А тут еще диктор говорит, что есть возможность меньше болеть карие-

сом. Все! Ассоциативная цепочка увязана! Телевидению еще слишком мало лет, чтоб наш мозг мог так легко перестроиться и различать просто увиденное и увиденное по телевизору. Особенно детский мозг. – Фролов вздохнул и уже очень серьезно добавил: – Но на самом деле все это построено на лжи. И дело даже не в том, что «Дирол» хорош только для того, чтоб с похмельюги перегар забивать. Будь он даже триста раз полезен, это ничего не меняет. Сам экспорт американских «ценностей» построен на лжи. На искусственном включении стадного инстинкта.

– При чем тут ложь? – искренне удивился Владислав Петрович.

– При том, что вряд ли кто из артистов, снимающихся в рекламных роликах, жует «Дирол». Разве что на шару. Что им карьер, если у них полон рот имплантантов? А вот на бесплатное они падки, у них даже культурное поведение трансформировалось в совершенно жуткие вещи, когда мужчина в ресторане не платит за женщину, если не собирается уложить ее в этот вечер в постель. Отказаться ведь она не может, надурняка-то, а согласиться – честь потерять. Вот они своими нормами хорошего тона и отменили это искушение. Да я бы сдох от стыда, если бы позволил своей знакомой самой расплатиться в кабаке! А ведь у юсовцев за это можно влегкую огрести полгода тюрьмы за сексуальные домогательства! Веришь?

– Знаю. Но у них свои нормы поведения, у нас свои. В

чужой монастырь не ходят со своим уставом, – философски пожал плечами Владислав Петрович.

Этот заготовленный штамп, почему-то называемый народной мудростью, не столько выражал его мнение, сколько становился щитом от напора фроловских умозаключений.

– У психов тоже свои нормы поведения! – Саша завелся не на шутку. – Поэтому остальное общество держит их в клетках.

– Так ты предлагаешь всю Америку обнести колючей проволокой под напряжением? – не оборачиваясь, фыркнул следователь. – Чушь собачья. Это же целый народ!

– Ну, они-то как раз не сильно постеснялись целый народ обнести колючей проволокой резерваций. Но я говорю не об этом, просто им нечего тянуть свои жадные лапы в Европу. Ты совершенно прав – в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Сидят себе в своей Америке, пусть хоть пережрут друг друга! Ни помогать, ни препятствовать я бы им не стал. Но экспортировать свои извращенные нормы культуры и быта на весь белый свет не стоит. Я же говорю, вся эта реклама построена на лжи! И ложь заключается в том, что красота и видимое благополучие снимающихся в рекламе актеров никак не связаны с рекламируемым товаром! Никак! Эти связи проводит только наше подсознание, привыкшее верить глазам. Когда древний человек видел, что здоровый мужик ест мясо, а хилый ягодки с дерева, то угадай с трех раз, какую пищу он выберет?

– Ну, это понятно, – призадумался Владислав Петрович.

– Ни хрена тебе не понятно! А теперь находится умник, который дает здоровому мужику десять кило отличного мяса и просит его постоять у куста с ягодками, радостно засовывая их в рот. Что будет?

– Все накинутся на куст, – кивнул следователь.

– Вот это и есть ложь!

– Но зачем твоему гипотетическому умнику это нужно?

– Только для собственной выгоды. Введя моду на ягоды, он убивает сразу двух зайцев – соплеменники постепенно становятся хилыми, и в результате его никто не обижает, так как он продолжает есть мясо. Да и мясо уже не в моде, значит, его остается больше для его собственных нужд.

– Лихо ты завернул! – улыбнулся Владислав Петрович.

– Это все теория... – довольно кивнул Фролов. – На самом деле все куда сложнее, хотя принцип тот же. В любом случае, если подумать башкой, станет ясно, что имплантанты не растут от жевания «Дирола», за них надо деньги платить. Но юсовцы как раз и прилагают массу усилий для того, чтобы из процесса выбора товара исключить эту самую башку. Бездумное подражание. Раздувание остатков обезьяньего инстинкта, помноженное на возможности современной съемки.

– С какой стороны вас подвезти к бане? – бесстрастно прервал их шофер.

– Да тормози прямо тут, – показал рукой следователь. –

Как раз удобно. Знаешь, Саня, если бы убили директора фирмы «Дирол», я бы подумал на тебя.

– И что бы ты тогда сделал? – заинтересованно глянул на него Фролов.

Владислав Петрович не ответил, он уже распахнул дверь, собираясь выходить, когда из колонок приемника полились знакомые позывные и дикторша приятным голосом возвестила:

«Новости на канале „Крым Радио-Рокс“. Вначале краткий обзор выпуска по сообщениям наших корреспондентов. К этому часу переговоры между лидерами Украины и России не принесли ожидаемых результатов, обстановка все еще остается напряженной. После того как Украина в очередной раз разрешила двум американским десантным кораблям вход на базу Черноморского флота, Россия предъявила ноту протеста. По мнению российского руководства, украинская сторона не должна проводить такие акции без уведомления, поскольку подобные действия противоречат соглашению о совместном использовании военно-морской базы и угрожают безопасности базирования российских боевых кораблей. Разногласия по данному вопросу перешли в серьезный политический конфликт после того, как Россия, опираясь на условия соглашения, потребовала вывести американские корабли на внешний рейд, а украинская сторона отказалась это сделать, используя в качестве аргумента принадлежность базы к ее территории. Президент Украины официально заявил,

что не собирается идти на поводу у России, что и в дальнейшем будет отстаивать территориальную независимость государства и не позволит кому бы то ни было указывать угодных и негодных гостей. „Крым – это территория Украины, – заявил он на прошедшей вчера вечером пресс-конференции. – И я не потерплю никаких разночтений по данному вопросу, даже если принятое соглашение о совместном использовании военно-морской базы вступит в противоречие с моими решениями“. Европейская общественность крайне обеспокоена развитием крымского политического конфликта».

– Вот уроды, – зло прошипел Фролов. – Когда юсовцы бомбили детские больницы в Югославии, эта же самая европейская общественность послушно засунула языки туда, с чем Европа хорошо рифмуется. А тут обеспокоились, чтоб их...

«Американский сенат, – продолжала дикторша, – провел специальное заседание для выяснения возможности оказания Украине экономической и политической помощи в случае дальнейшего обострения отношений с Россией. Сенатор Макдауэр выступил с обращением к американскому народу, в частности, он сказал: „Движение по пути, выбранному отцами-основателями, принесло свои плоды. Сейчас мы богаты и сильны, практически у каждого американца есть уверенность в завтрашнем дне. Но есть время разбрасывать камни, а есть время собирать их. Если Россия ответит энергетическим эмбарго на законные притязания Украины,

я думаю, что каждый честный американец с радостью отдаст часть собственного благополучия маленькому, но гордому украинскому народу. Ответом на злобные и завистливые политические плевки российского руководства станут караваны танкеров и транспортов с продовольствием, входящие в крымские порты под гордым звездно-полосатым флагом“.

– Ну вот! – Фролов нервно щелкнул костяшками пальцев. – Как стервятники! Где вдруг кто-то что-то не поделил, сразу суют свои грязные лапы. У них есть целый материк, но нет же, так сладка роль мирового жандарма! Мускулами поиграть... Я бы на месте украинского президента послал их по факсу открытым текстом. Помощнички...

«Президент Украины выразил американским политикам благодарность за оказанную поддержку, – совсем расстроила его дикторша. – Сегодня в Киев прибыла группа американских юристов для оказания помощи по отстаиванию интересов Украины в данном конфликте».

– Вот черт! – взбесился Фролов. – Ну что за дела? Украина дьяволу душу готова продать, лишь бы поучаствовать в мировой политической жизни... Ну разве не унизительно? Когда Россия боролась за то, чтоб ее миротворцы в Югославии не подчинялись натовскому командованию, Украина впихнула свой крохотный контингент как раз под команду юсовских генералов. Лишь бы сунуться туда, где все. Эдак и в НАТО вступим... А, Владислав Петрович?

– Вряд ли... – неуверенно ответил следователь.

– Ну конечно! А совместные учения с юсовцами, а туристические прогулки этих уродов по базе Черноморского флота? Не к тому ли идет? Недавно группа юсовцев приехала осматривать побережье, выбирать место для элитного яхт-клуба. Как у себя дома, блин. Им не выделяют место, а они ходят и выбирают сами. Каково?

– Ну... Это деньги в бюджет...

– Вот за эти деньги они нас медленно и уверенно покупают со всеми потрохами. И территорию, и тела, и души. Ходят, как по своей земле. Нашли слабое место... В этом они мастаки – найти и использовать.

Фролов распахнул дверцу и, оставив в машине рацию, фотоаппарат и чемодан, вынырнул в знойный городской воздух.

Баня номер 3 городского отдела бытового обслуживания затерялась в густой тополиной зелени двумя довольно высокими этажами. Цветочки на клумбах, зеленые лавочки у входа. Сегодня у них нерабочий день, но двери открыты, видимо, сотрудники готовятся к завтрашней напряженной работе.

Владислав Петрович первым вошел в настежь распахнутую дверь, выкрашенную толстым слоем коричневой краски. Внутри было почти темно и довольно прохладно, со второго этажа доносились веселые женские голоса.

– Тук-тук! – громко сказал следователь, и голоса стихли.

Фролов уселся в единственное во всем холле кресло с закрепленной над головой сферой допотопного фена. По все-

му видать, что ему было глубоко наплевать, насколько по-дурацки он в этом кресле выглядит.

На лестнице послышались шаги, и вниз спустилась довольно милая девушка лет двадцати семи, цветастый сарафан почти не скрывал формы тела, но такой фигурой можно было гордиться по праву. Личико тоже приятное – пухлые губки, вздернутый носик да и настроение явно замечательное.

– Здравствуйте! – улыбнулась девушка. – Мы сегодня не работаем, извините! Приходите завтра. Как раз мужской день.

– Здравствуйте, – кивнул Владислав Петрович. – Мы, вообще-то, не мыться. Я следователь из милиции, а это мой эксперт.

Он достал из кармана брюк удостоверение и небрежно махнул перед носом девушки, та заинтересованно поднята брови.

– Чем обязаны? – негромко спросила она.

– В общем-то, ничем. Так, пара вопросов и кое-что посмотреть. Если честно, мы сами толком не знаем, что ищем. Вот скажите, вчера была протопка котлов?

– Нет, что вы! Сейчас такая напряженка с топливом, что мы работаем только два дня в неделю. В субботу мужской день, в воскресенье женский. Начинаем топить в пятницу после обеда.

– Кочегары уже пришли?

– Он у нас один. Дядя Боря. Наверное, в кочегарке. Вас проводить?

– Мы найдем, – уверил ее Владислав Петрович. – Вы при какой тут должности?

– Кассир. Но сегодня я старшая, кроме меня, тут только две уборщицы.

– Тогда будьте, пожалуйста, в пределах досягаемости, может, придется что-то спросить.

– Хорошо, – улыбнулась девушка. – Я посижу наверху, ладно?

Владислав Петрович явственно представил, как наверху она будет рассказывать подругам о таинственном визите милиции, а те слушать с раскрытыми ртами. Потом начнутся самые невероятные предположения, и уже завтра по городу расползутся такие небылицы, что книжки о бароне Мюнхаузене можно будет сдавать в утиль.

Выйдя на улицу, следователь подождал, пока Фролов выберется из неудобного кресла, и сказал, глядя на вздымающуюся в раскаленное небо трубу кочегарки:

– Придется тебе слазить наверх. Я уже староват для эдаких упражнений, честное слово. С кочегаром, думаю, говорить не имеет смысла. Но в чем надо точно убедиться, так это в том, что стреляли отсюда. Сделай милость, а?

– А чего... – усмехнулся Фролов. – Можно потряхнуть стариной.

Владислав Петрович, открыв заднюю дверь машины, по-

весил на него рацию, взял себе другую и протянул фотоаппарат.

– Щелкни сверху на все четыре стороны, ладно? – попросил он. – Хочу поглядеть панорамку, может, какая мысль придет.

– Шерлок Холмс, – усмехнулся Фролов, вешая на плечо чехол с «Зенитом».

Он обогнул здание бани, подошел к трубе и грациозно подпрыгнул, как гимнаст на перекладину. Руки цепко ухватились за нижнюю скобу лестницы, выход силой, перехват – и вот уже Фролов, довольно ослабившись, стоит на первой скобе ногами. Заржавленная железная труба свечой убегала в выгоревшее от яркого света небо.

– А попроще мог залезть? – усмехнулся Владислав Петрович. – Акробат...

– Чего-чего? – Бывший снайпер шутливо приставил ладонь к уху. – Попрошу говорить в рацию!

– Иди ты... – коротко шикнул голосом следователя динамик у уха.

Сверху город выглядел просто замечательно: махровая зелень парков, белокаменные дома, ласково блестящее море на западе, серые громады боевых кораблей. Футболка после подъема на тридцатиметровую высоту все же взмокла, но в вышине посвистывал свежий юго-западный ветер, приятно холодя спину и прелые подмышки.

– Ну что там? – нетерпеливо прошептала рация.

– Погоди, дай отдышаться, – фыркнул в микрофон Саша. – Кстати, нас не вся милиция города слышит?

– Это резервный канал. Да и мощность у этой «Виолы» такая, что как раз хватает для устойчивой связи между туалетом и кухней.

– Твоим языком только бриться, – усмехнулся Фролов, не нажимая тангенту передачи.

Позиция снайпера внутри трубы устроена была мастерски: две широкие прочные доски расклинены крестом, образовав надежную опору ногам, на них крышка от выварки, а поверх сложенное старое одеяло. Простенько и удобно. Даже с комфортом, можно сказать. И дыму выходить не мешает.

– Молодец, – уважительно шепнул Фролов и, нажав тангенту, добавил: – Позиция имеет место быть. Направление огня – почти северо-запад. Тут метки от сошки на ржавчине остались.

– Сделай снимки и слезай.

Фролов влез на снайперскую позицию, расчехлил фотоаппарат и, глянув на показание экспонометра, принялся вертеть ручку настройки. Солнце так и шпарит, диафрагму пришлось заворачивать до предела. Но ничего, глубина резкости будет получше.

Он глянул в круглое окошко видоискателя, и вид на город чуть затуманился ненастроенной линзой Френеля. Белоснежные дома, как стародавние пароходы, словно плыли в пенной зелени парков и тенистых бульваров. Руки охвати-

ла отчетливая мелкая дрожь, пальцы повернули объектив, и вид обрел ясность, но отчетливый круг посередине, эта чертова линза Френеля, так напоминал вид мерцающей матрицы прицела, что Фролов невольно зажмурился.

Ветер.

Он тихо урчал в ушах отголосками давно забытых гроз.

Солнце.

Яркий свет рвался через опущенные веки кровавым туманом, будил воспоминания, которые хотелось похоронить навсегда.

Высота.

Вестибулярный аппарат, улавливая едва заметную дрожь трубы, напоминал, что до земли тридцать метров...

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД. ТРЕТЬЯ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА

...Тогда тоже шпарило яркое солнце, а свежий струящийся воздух посвистывал в бетонном скелете недостроенного после второй чеченской войны завода. Двенадцать этажей. Тридцать метров. Точно такая же высота. Крыша чуть выше, но Саша с корректировщиком заняли позицию на перекрытии десятого этажа.

Ветер свободно гулял по лишенному стен бетонному скелету здания, под ребристыми подошвами высоких штурмовых ботинок хрустело отставшее от пола бетонное крошево, кое-где виднелась ржавая, оголившаяся арматура. Вид с высоты открывался километров на тридцать, завод стоял почти на окраине, и взгляду ничего не мешало скользить по голубоватым вершинам гор и по холмам, разбежавшимся от города, как овцы от свирепых волков. Город и впрямь выглядел неприветливо, зло, местами развалившись обгорелыми остовами зданий, изуродованные парки торчали в небо длинными корявыми пнями, словно черные, полусгнившие зубы.

– Группа, Группа, я – Эхо, – сказал Фролов в торчащий у подбородка микрофон легкого шлема. – Позицию занял.

– Эхо, я – Группа. Принял. Дистанция? – явственно раздался в ушах басовитый мужской голос.

– Две триста, – ответил в микрофон корректировщик, све-

рившись с дальномером. – Сектор девяносто пять градусов. Можно работать устойчиво.

– Принял.

Саша отомкнул сошку, поставил винтовку и присел рядом на корточки.

– Андрей, подкинь сигаретку, – попросил он корректировщика.

Андрей, сидя на корточках у шершавого бетонного столба, копался в ранце со своими приборами. Два бинокля, ночная оптика, дальномеры, угломеры, ветромеры, хрензнает-чтомеры... Полный комплект. Он лениво полез в накладной карман на штанине и вытянул пачку «Золотой Явы».

– Травись... – Не поворачиваясь, вынул он сигарету, протянул Саше, а другую сунул себе меж зубов.

– И огонька. – Фролов, скривившись, понюхал табак.

– Может, тебе тогда сразу легкие дать? – усмехнулся Андрей и подал свой звонкий, безотказный «Ронсон».

Он был младше Саши на два года, высокий, стройный, голубоглазый. Лицо тоже тонкое, почти девичье. Лучший корректировщик в отряде. Рукава черной форменной куртки, вопреки всяким уставам, он закатал почти по локоть, оголив бледную кожу, зато высокие ботинки выглядят безупречно, а легкий штурмовой шлем скрыл короткие, очень светлые волосы.

Они курили, щурясь от солнца, а ветер уныло пел в растопыренных концах арматуры, гулял в зиявших дверных про-

емах и пытался выгнать из-за корявого горизонта лохматую отару облаков. Но солнце спорило с ним не на шутку, растворяя облака, как сахарную вату в горячей воде.

– Группа, Группа, я – Искра, – неожиданно ворвался в наушники шлемов мягкий женский голос. – Позицию заняла. Дистанция две сто, рабочий сектор сто семьдесят градусов.

– Искорка, я – Группа. Принял. Эхо, Искорка, мы на подходе. Я дам минутный отсчет, когда закрепимся.

– Эхо принял!

– Искра приняла!

Снова тишина в эфире, только ветер без устали стонет в железобетонном каркасе.

– Где она? – затягиваясь, спросил Саша.

– Судя по большому рабочему сектору, где-то на высотке. Сейчас найдем.

Корректировщик развернул карту, достал из ранца циркуль, линейку и очертил масштабный полукруг радиусом в тысячу сто метров, вонзив иголку в координаты сегодняшней цели.

– Ага... На дуге, где она может быть, четыре высотки. Найдем. Надо в бинокль хорошенько поглядеть, и я тебе выдам ее точное место. Пойдем, братишка, заодно пора размечать маркеры, – отбросил окурочок Андрей.

Фролов поднялся и тоже отшвырнул догоревший до фильтра окурочок, рука подхватила за специальную рукоять крупнокалиберный снайперский комплекс «Рысь» «КСК – 12,7-

М» с улучшенной системой затвора, позволяющей выдвигать его, а не вывинчивать, что здорово ускорило перезарядку. Саша назвал винтовку Хитрым Обманщиком согласно японскому изречению, гласящему, что война – искусство обмана. Он вообще любил давать имена неодушевленным предметам.

Правда, это устройство винтовкой назвать как-то язык не поворачивался. Скорее огромное противотанковое ружье, приспособленное для сверхточной стрельбы со сверхдальних дистанций. Мощнейший патрон, вышибающий крупнокалиберную пулю через более чем метровый ствол, давал такую отдачу, что в глазах темнело, поэтому тяжелый ортопедический приклад из шершавого углепластика крепился к плавно переходящему в рукоять ложу двумя гидравлическими амортизаторами, мягко гасящими чудовищный откат. У самого среза ствола, словно жабры стальной акулы, чернели щели дульного тормоза, а три дюзы реактивного компенсатора, вычищенные заботливой рукой, сияли на солнце, как маленькие зеркальные блюдца с дырявыми доньшками. Когда пуля покидала ствол, из них вертикально вверх вырывались мощные струи пороховых газов, прижимая винтовку к грунту и не давая ей подпрыгивать, а из щелей дульного тормоза газы вырывались назад, дополнительно компенсируя горизонтальное смещение при отдаче.

Прицел винтовки больше смахивал на видеокамеру и весил с аккумуляторами почти четыре килограмма, в сущно-

сти, это был даже не прицел, а компьютер автоматической корректировки огня. Сошка тоже была необычной, с двумя крюками, ими можно зацепиться за что-нибудь крепкое, чтоб свести отдачу почти к нулю. Но они снижали подвижность, и снайперы пользовались ими лишь изредка, на особенно неустойчивых позициях.

Сделав пять осторожных шагов, Фролов снова уселся на корточки, теперь прямо перед лицом обрывалась вниз тридцатиметровая пропасть.

Винтовка послушно, как верный пес, присела на сошку у правой ноги, Саша уперся ладонями в колючее бетонное крошево и аккуратно лег рядышком. Слева готовил приборы корректировщик.

– Искорка, я – Эхо – позвал в микрофон Фролов.

– На связи, – мягко раздалось из наушников.

Ольга Савина прослужила снайпером разведотряда морской пехоты даже больше, чем Саша. С оружием с детства, мастер спорта по стрельбе, вообще боевая девчонка. «Свой парень», как говаривали про нее в отряде. Но никто и никогда не использовал в эфире ее настоящий позывной «Искра». Все и всегда звали ласково – Искоркой.

– Искорка, ставлю маркеры, – шепнул в микрофон Саша и, приложив левый кулак к уху, словно держит телефонную трубку, показал пальцем на Андрея.

Корректировщик кивнул, принимая приоритет связи.

– Колючая проволока по периметру базы, – начал пере-

числять он. – Маркер «колючка». Сегментирую по часам, двенадцать часов – точно на север. По «колючке» на одиннадцать часов караульное помещение маркер «караулка». По «колючке» на семь часов склад ГСМ – маркер «бочки». «Колючка» на четыре, гараж маркер «гараж». Рядом ворота, видишь? Маркер «ворота». Два дота по сторонам – маркер «доты», левый и правый. В центре базы казарма – маркер «казарма»...

Он продолжал монотонно и четко называть возможные цели для того, чтобы по его указанию оба снайпера могли перенести огонь туда, где он окажется нужнее всего. Когда-то – Фролов тогда еще не служил – пробовали маркировать цели цифрами, но упомянуть их было сложно, поэтому прижились интуитивно понятные «колючки» и «бочки».

Задачей сегодняшней операции стояло освобождение большой группы заложников – двенадцать человек, которых уже больше месяца чечены держат на этой сильно укрепленной базе в двух километрах от города. Держат на складе ГСМ, в пустой цистерне из-под солярки. Когда шли переговоры о выдаче, одна из захваченных женщин, жена священника из Ставрополя, как раз родила там сына. Хорошо, что среди пленников оказался опытный военврач. По последним данным, ребенок был еще жив.

Старый, собаку съевший на этих войнах Шаман принял решение начать операцию не ночью, когда моджахеды особенно активны, а днем, в самую проклятую жару, когда они,

повинуясь древним привычкам, как тараканы, дрыхнут в тени. Рабочая группа должна будет пройти с тыла через колючку, подчистую уничтожить личный состав базы и спокойно вывести заложников к занятой нашими дороге в пяти километрах отсюда. С расстояния более чем в два километра группу прикрывает пара снайперов для подавления сопротивления в труднодоступных для группы местах.

– Все! – закончил длинное перечисление корректировщик.

– Искра список маркеров приняла.

– Группа список маркеров принял.

– Конец связи, – шепнул Андрей. – Теперь самое трудное – ждать.

– Может, тогда кофейку? – расслабленно потянулся Саша.

– И так жара... – отмахнулся корректировщик. – Хорошо хоть ветерок поддувает. А то никакого спасу нет...

– Я все же бахну, а то сном развезет на этом солнце. И тебе советую.

Фролов достал из стоявшего в ногах ранца термосок, отвертел алюминиевую крышку с двумя добрыми вмятинами, вытянул влажно шикнувшую пробку и налил кофе в моментально нагревшийся алюминий.

– Зашибись... – Он даже блаженно сощурился, сделав первый глоток. – На.

– Галеты бы хоть достал... – принимая крышку с кофе, попросил Андрей.

Фролов порылся в ранце и вытянул на свет божий пачку совершенно дубовых галет, безвкусных, словно натертых и заново спрессованных из пластмассы. Но для кофе в самый раз – не сладкие.

– Искорка, Эхо, я – Группа, – ожили наушники шлемов. – Занял позицию. По вашему маркеру «колючка» на одиннадцать часов. Сто двадцать метров от проволоки.

– Эхо принял.

– Искра приняла.

– Я – Группа, даю минутный отсчет. Готовность. Старт.

Тут же пискнул запущенный Андреем таймер обратного отсчета, Фролов отпил еще пару глотков кофе, улегся поудобнее и поставил кружку слева от себя.

– Эх, поработаем... – шепнул он.

Пальцы собрались было почухать запревшую шевелюру, но глухо стукнулись в обтянутый черной тканью металл шлема.

– Чтоб тебя...

Он упер в плечо могучий приклад Хитрого Обманщика и включил прицел. Внутри заурчал завертевшийся накопитель, подгружая операционную систему, лицо Фролова осветилось чуть заметно мерцающим светом. Система запросила пароль, и пальцы заученно пробежали по кнопкам, вводя ключевую комбинацию цифр.

Ввод.

Мерцание обрело краски и заверненные формы, теперь

через выводимую компьютером прицельную сетку виднелись горы, холмы, часть города и вражеская база. Саша протянул руку и взял горячую крышку с кофе, губы приятно обожгло, тело быстро обрело боевой задор, мышцы наливались бодростью, необходимой для успешной работы.

На старых моделях КСК «Рысь» стояли прицелы с черно-белыми матрицами, но это сильно повышало шансы противника на успешную маскировку и от них быстро ушли, заменив более дорогими, но корректно воспроизводящими цвет.

– Я нашел Искорку, – ложась на бетон, произнес Андрей. – Погляди на вторую от нас высотку. Двадцать тысячных вправо от вершины. В камнях.

– Сейчас. – Фролов отставил кружку и взгляделся в яркую картинку прицела, исчерченную меняющимися цифрами расстояний и углов, красными и желтыми линиями прицельной сетки. – Вижу. Хорошо лежит, но могла бы и в тени устроиться. Дерево всего метрах в десяти от нее.

– Там, наверное, муравьи, – усмехнулся корректировщик. – Ты же знаешь нашу Искорку, она во всем комфорт любит. Осталось пятнадцать секунд!

Фролов последний раз глотнул кофе и опустил мощный рычаг, отпирающий затворный держатель. Затвор, мягко щелкнув цанговым инжектором, послушно выполз из казенника. Он был гладким, словно намыленным, тефлоновое покрытие позволяло полностью избавиться от смазки, что здо-

рово повысило надежность на лютых морозах и износ на жаре. Саша потянул рукоять на себя и полностью вынул затвор из винтовки, упер его цангой в торчащую из дугового патронташа гильзу патрона, защелкнул и, вынув вместе с затвором огромный крупнокалиберный боеприпас, сунул в казенник ствола. Рычаг на место. Щелчок взвода. К бою готов.

Он уже видел группу, засевавшую в овраге в ста метрах от колючки. Ребята устроились хорошо, только знание точного места позволяло заметить под лохматыми маскировочными покрывалами живых людей. С вышек их не разглядят даже ради спасения жизни. Лишь бы сторожевые собаки не подняли лай раньше времени.

– Время «ноль»! – сказал Андрей и пискнул остановленным таймером. – Работаем, братишка.

– Искорка, Эхо, я – Группа! – задорно прозвучало в наушниках. – Работаем!

– «Караулка», – начал корректировать Андрей. – Сторожевая собака. «Колючка» на десять, еще одна.

Фролов поймал собаку у караулки в прицел, добавил увеличение, выдохнул и плавно вдавил спуск.

Жуткий грохот ударил в прикрытые шлемом уши, а вырвавшиеся из дульного тормоза реактивные струи отбросили назад целую тучу бетонного крошева, но свежий ветер быстро вынес едкую известковую пыль. В плечо ухнуло, как поленом, зашипели, распрямляясь, гидравлические амортизаторы приклада.

Рычаг вниз, затвор на себя, гильзу долой ударом об пол. Новый патрон вставляем в затвор, обратно в казенник, на место запор.

Этот стишок, данный когда-то инструктором, помогал выдерживать ритм перезарядки, он звучал в ушах каждый раз, хотя руки сами уже прекрасно помнили, что надо делать.

Саша глянул в прицел. Норма. Огромной энергией пули собаку вынесло аж за периметр базы, разделав на лету, как мясник разделяет тушу барана. Она не смогла бы и пискнуть, единственное, что могли услышать в караулке, – это мягкий удар в живое и хруст костей. И то вряд ли.

Для уничтожения живой силы в КСК «Рысь» использовались особые пули. Не разрывные, поскольку даже маленький взрыв может привлечь ненужное внимание, а высокоэкспансивные, с лобовым контейнером из податливого свинца, заполненного ртутью. При попадании даже в мягкую ткань пуля плющилась и становилась больше на два калибра, иногда полностью вынося грудную клетку напором жидкого металла. Позади лобового контейнера свинец удерживал внутри себя легированный стальной сердечник, прошивающий любой бронежилет, как иголка кусок картона.

– Подавляем пулеметные вышки. «Колючка» на десять. «Колючка» на семь, – монотонно шептал Андрей, не давая расслабиться.

Во избежание путаницы так условлено в каждой группе – первую названную цель поражает снайпер, находящийся с

корректировщиком, вторую – другой. Если работали тройкой или четверкой, заранее расписывали номера.

Фролов поймал в прицел пулеметчика дальней вышки. Чуть добавить увеличение... В грудь стрелять нельзя, тело может вынести через перила вышки, а лишние трупы на виду – лишняя демаскировка. Он опустил сетку прицела на деревянный борт, за которым, он знал, прячется защищенный бронезиловым животом.

Выдох. Спуск.

Грохот, удар в плечо, пыль, шипение амортизаторов.

Рычаг вниз, затвор на себя, гильзу долой ударом об пол. Новый патрон вставляем в затвор, обратно в казенник, на место запор.

Готов... В борту вышки зияла огромная дыра – голова бы пролезла, – через щели в полу уже падали в пыль первые капли крови.

– Молодцы ребята! – похвалил Андрей. – Работаем!

От второго выстрела Хитрый Обманщик ощутимо нагрелся, над ним начал струиться расплавленный воздух, как над углями костра. Это нормально. Обычный режим.

Группа работала у колючки: двое резали проволоку, четверо прикрывали, ошестинившись в пыли толстенными глушителями автоматов. Обычная группа. Два технаря для всех инженерных работ, вскрытия замков, подрывного дела и работы со средствами электроники, компьютерами и связью. Четыре стрелка для всего остального. Сила и ум – вечный

тандем.

– «Караулка»! – нервно выкрикнул Андрей, и Саша тут же взял в прицел выход из караульного помещения.

Ага... Бородатый чечен вышел покурить анашу. Группа почти у него под носом, только высокая трава по периметру мешает их рассмотреть.

Прицел. Выдох. Спуск.

Рычаг вниз, затвор на себя, гильзу долой ударом об пол. Новый патрон вставляем в затвор, обратно в казенник, на место запор.

Накурился... Развороченное тело повисло на колючей проволоке, изливая в траву широкие струи крови. Говорят, в таких местах маки потом растут.

– Снести антенную мачту! – чуть успокоившись, приказал корректировщик.

Это уже для Искорки. Пусть поработает девочка. А Андрей молодец! Раз валяется труп у дверей караулки, значит, надо оставить базу без связи. Разумно.

Фролов неотрывно смотрел в прицел, силясь заметить попадание в мачту – высокий бетонный столб с решеткой антенны на тонком конце. Есть! Белое облачко бетонного крошева и разлетевшиеся концы провода. Чистая работа! Следующая цель наша.

Группа прошла сквозь периметр и рассредоточилась у дверей караулки, теперь и в руках технарей чернели короткие автоматы. Внутри справятся сами, мы им там не подмога.

– Андрей, давай пока подавим две оставшиеся вышки. Подальше от греха, – предложил Саша. – Пока группа с караулкой возится.

– Только аккуратно... Там доты совсем рядом, – кивнул корректировщик. – «Колючка» на два часа, вышка. «Колючка» на пять, вышка.

«Опять мне дальняя, – подумал Фролов. – Я тебе это припомню, джентльмен хренов». Он уже не задумываясь опустил сетку прицела, целя в живот часового сквозь деревянный бортик вышки.

Выдох. Спуск. Боль удара. Шипение.

Рычаг вниз, затвор на себя, гильзу долой ударом об пол. Новый патрон вставляем в затвор, обратно в казенник, на место запор.

Готов... Только пулемет слепо уставился в безоблачное небо оребренным стволом. Как там Искорка?

Саша перевел прицел на ближнюю вышку, и в этот момент голова пулеметчика исчезла как по волшебству, только метров на десять по ветру расплзлось облачко из кровавых брызг вперемешку с выбитыми мозгами. Обезглавленный часовой тихо и спокойно присел за бортик вышки, словно устал стоять.

– Искорка, я – Эхо! – не удержался Фролов. – Высший класс! Мое почтение.

– Эхо, я – Группа! – Голос из наушников недовольно ударил в уши. – Что за базар в эфире?! Работаем! Мы очистили

караулку. Двигаемся к казарме. Пока переходим, отработайте доты, чтоб не маячили за спиной.

– Левый дот, – послушно отозвался Андрей. – Пулеметчик, помощник.

Две пули почти одновременно влетели через амбразуру в полумрак бетонного укрытия, отбросив на стену два изуродованных трупа, ветер заботливо выдул изнутри тонкую пыль раскрошенного стальными сердечниками бетона.

– Правый дот.

Выстрел, немилосердный удар в плечо, жаркое марево над винтовкой.

Рычаг вниз, затвор на себя, гильзу долой ударом об пол. Новый патрон вставляем в затвор, обратно в казенник, на место запор.

– Группа, я – Эхо, доты подавлены.

– Группа принял. Все, ребята, давайте беглый огонь зажигательными по казарме! Будем выводить заложников и смаковать. Смотрите только не подпалите склад ГСМ, а то выводить будет некого.

Фролов довольно улыбнулся – дело почти сделано, причем быстро и гладко. Он деловито опустил приклад и вынул из укрепленного на винтовке патронташа два оставшихся экспансивных патрона.

– Давай зажигательные, – попросил он Андрея.

Вставать самому было нельзя – изменится, пристрелянная лежка.

Корректировщик оторвал взгляд от бинокля и, повесив его на шею, отполз к стоявшему позади цинку с патронами. Через десяток секунд он вернулся, притащив с собой девять патронов с зажигательными пулями. Саша без излишней спешки набил патронташ, вытянул затвор с уже заряженным патроном, поменял на зажигательный и отложил экспансивный в сторону. Затвор в казенник. Рычаг на место. К бою готов. Он допил оставшийся глоток остывшего кофе и снова упер приклад в ноющее плечо. Сейчас надо будет работать быстро. Сетка прицела цветной паутиной легла на крышу казармы, палец потянул спусковой крючок. Тут можно особенно не выцеливать – в здание не промахнешься и сослепу.

Выстрел. Перезарядка.

Прикрыть глаза, продышаться. Прицелиться.

Выстрел. Перезарядка.

Справа дымились две только что отстрелянные гильзы, беспорядочно валялись уже остывшие.

Выстрел. Перезарядка.

Такая работа. Мозг не был занят сверхточной стрельбой, руки работали, как манипуляторы автомата. Да, работа не для живого человека, скорее для машины. Но делать ее должны люди, машинам пока так стрелять не дано, они еще с трудом отличают объект от его тени.

Выстрел. Перезарядка.

Казарма завихрилась первыми струйками дыма, кто-то

бородатый с гранатометом выскочил наружу, перекосившись от ужаса. Обреченный.

Саша перевел веселенькую паутинку на его грудь и выжал спуск.

Выстрел. Перезарядка.

Подстреленный моджахед перевернулся в воздухе, как гимнаст, одежда полыхнула буйным факелом. Оля достала второго прямо в дверном проеме, и он скрылся во мраке, осветив его светом собственного вспыхнувшего тела.

Пламя жадно пожирало пересохшее дерево казармы, доблестные воины ислама выпрыгивали наружу через окна, как петухи из горящего курятника, – лица перекошены болью и ужасом, на многих полыхает одежда, но никто никому даже не пытается помочь, все ломаются, как обезумевшие бараны, к автопарку, прямо на непрерывно дергающиеся стволы автоматов группы.

Фролов вдруг вспомнил документальные кадры захвата больницы в Буденновске, наглую морду Басаева, доблестно прикрывшегося чужими женщинами. Он вспомнил и другие морды, вещавшие о том, что они лучше всех и что свободная Ичкерия будет стоять до конца. Улыбка тронула Сашины губы. Выстрел. Перезарядка.

Лучшие в мире воины и сейчас бы, наверное, прикрылись заложниками, но четверо наших стрелков, укрепившись за дотами и едва успевая менять магазины, расстреливали моджахедов, как резиновых уточек в тире. Гильзы сверкающими

струями брызгали из затворов, кувыркаясь в теплой пушистой пыли. Двое технарей обошли стороной опасное место и уже помогали заложникам выбираться из душной, вонючей цистерны, их заметили, но собственные шкуры оказались дороже дутой чеченской чести, лишь один бородач прицелился в склад ГСМ из гранатомета, но...

Выстрел. Перезарядка.

...Закувыркался в залитой кровью траве.

Быстро опустел патронташ.

– Андрей, давай экспансивные! – задорно выкрикнул Саша.

Корректировщик, страдая от вынужденного безделья, резво метнулся к цинку и высыпал возле Фролова девять патронов с экспансивными пулями.

Спокойно, без горячки, набиваем патронташ. Замечательно.

Выстрел. Перезарядка.

Последняя зажигательная пуля смертоносным шмелем прошла две с половиной тысячи метров пространства и по плечо оторвала руку далеко отбежавшему чечену. Тот грохнулся на колени, но вскочил и, как раненый заяц, запетлял к прорехе в колючей проволоке.

– Эхо, я – Искра. Ну ты и мазила! – весело отозвались наушники.

– Чтоб его... – шикнул Фролов.

– Базар в эфире! – строго напомнил командир группы.

Искалеченный моджахед почти добежал до колючки, но Саша успокоился, продышался, дал максимальное увеличение прицела и выжал спуск. Экспансивная пуля вышибла в удалявшейся спине дыру с обеденную тарелку, и воин ислама полетел вперед, как сбитая грузовиком свинья.

Рычаг вниз, затвор на себя, гильзу долой ударом об пол. Новый патрон вставляем в затвор, обратно в казенник, на место запор.

«Зачем? Только пулю зря извел... Ну и бежал бы себе подышать в горы. Но нет же – азарт, черт бы его подрал. А ведь прицел все записывает, есть там маленькая такая кассетка. Вставят мне пистон на разборе. И поделом».

Хорош, надо успокоиться. Саша опустил приклад и устало лег на бок.

– Надоело? – усмехнулся Андрей, отрываясь от бинокля.

– Плечо болит, – почти честно признался Фролов. – Надо же и группе чем-то заняться.

– Они уже закончили. Взяли из автопарка «КамАЗ» и грузят заложников. Все целы. Прямо как на учениях, блин, аж не верится.

– Ну и ладушки... Часик посидим и будем выбирать.

Ветер стих, воздух над Хитрым Обманщиком томился мерцающим маревом, заставляя дрожать синие вершины гор. Вдруг далекий взрыв неприятно вдавил барабанные перепонки, тут же еще один, потом сразу еще. Кусок арматуры над головой запел длинно и жалобно, за шиворот посыпалась

мелкая бетонная пыль.

– Черт! – вскрикнул Андрей. – Искорку накрыли! Наверное, оптика бликанула...

Фролов, еще до конца не осознав случившееся, прильнул к прицелу, но тут же зажмурился, будто по глазам сухо щелкнул кончик бича. Лишь огромным усилием воли он снова поднял веки и уменьшил увеличение для большей обзорности.

Ольга бежала с холма, похожая на двуногую черную пантеру, за которой по пятам гонятся охотники на ревуших джипах. Но не фонтанчики ружейных выстрелов, а жуткие столбы минометных взрывов взметались за ее стройной спиной. Саша явственно представил, как теплый воздух рвут корявые осколки металла, как они пролетают, по счастливой случайности, мимо беззащитного тела. Пара минометов была непонятно откуда, но явно не из разбитой базы, а не найдя огневую позицию, нечего и думать ее подавить.

– Ложись!!! – заорал он в микрофон так, словно его жгли раскаленным железом. – Искорка, я – Эхо! Ложись!

– Сдурел так орать? – одернул его Андрей. – На ней все равно шлема нет!

Одна из мин разорвалась совсем рядом с девушкой, сбив ее с ног ударной волной, но Ольга упрямо вскочила и снова бросилась бежать во весь рост.

– Переклинило с перепугу... – бессильно выдохнул Саша. – Как же ее уложить? Погибнет ведь... Чтоб меня! Ан-

дрей, дай броневой патрон!

– Засек минометчика? Бей экспансивным!

– Дай броневой!!!

Корректировщик не стал спорить, бросился к цинку и вынул один из пяти броневых патронов.

Фролов уже точно знал, что надо уложить бегущую девушку любой ценой. Любой. Иначе корявые зазубренные осколки разнесут ее тело в неопрятное месиво. Он глянул на показания лазерного дальномера и ужаснулся – больше трех километров до мелькающих в дыму и пыли ног. С такого расстояния стрелять еще не приходилось. Но надо. Нужно только сменить патрон на броневой, который проколет в кости аккуратную дырочку, а не срежет ногу брызнувшей ртутью.

Саша перезарядил винтовку и вжался в приклад, как испуганный ребенок вжимается в мягкую подушку.

– Ненормальный... – Андрей уже все понял, но боялся даже пошевелиться, чтоб не сбить прицел в роковую сторону. – Три двести!

Саша дал полное увеличение, но это помогло мало, ноги мельтешили в прицеле, палец нервно вздрагивал на спусковом крючке.

Выдох.

Перекрестье остановилось на уровне мелькающих лодыжек, и Фролов с замершим сердцем выдавил спуск. Грохот. Удар. Шипение амортизаторов.

Рычаг вниз, затвор на себя, гильзу долой ударом об пол. Новый патрон вставляем в затвор, обратно в казенник, на место запор.

Глаза открывать не хотелось, и яркий солнечный свет кровавым маревом пробивался сквозь опущенные веки.

14 ИЮНЯ. ПЕРВЫЕ ВЕРСИИ

Он все же раскрыл глаза и сделал четыре снимка, затем вытер со лба выступившие капельки пота и перелез на лесенку, скобами убегающую к земле.

Ногу Ольги тогда спасли. Бронебойная пуля минимально для такого калибра повредила кость, и через год даже хромота не напоминала о страшном случае, остался только шрам на лодыжке. Но за два последующих года совместной службы девушка не сказала Фролову ни единого слова. Даже не здоровалась по утрам.

Саша чуть задумался и снова оглядел позицию ночного стрелка. Доски, одеяло, крышка от выварки. Усмехнулся. Потом уверенно скинул одеяло в чернеющие недра трубы, осторожно, за самый краешек, взял крышку и, уцепившись локтем за кромку трубы, нажал тангенту.

– «Воздух!», Владислав Петрович!

– Что? – прошипела рация.

– Лови, говорю, вещдок. Только осторожно, он тяжелый.

Саша огляделся, чтоб не угостить по башке случайного прохожего, и бросил крышку вниз. Она ушла ребром, как сбитая летающая тарелка, вонзившись в землю у самой трубы.

– Мастер... – усмехнулся Саша и полез вниз. Когда он прыгнул на землю, Владислав Петрович сидел на корточках,

пристально оглядывая крышку от выварки.

– Что это? – заинтересованно спросил он.

– Доньшко уютного гнездышка, – пояснил Фролов. – Лежала на расклиненных досках, как я и говорил. Похоже, что мы с ним проходили одну школу. Вообще позиция устроена грамотно, по всем правилам. Судя по количеству использованного материала, все поднималось веревкой, потому что три раза лазать вверх-вниз – дело весьма затруднительное. Веришь?

– Значит, иногородний? Вроде у нас больше таких, как ты, нет. Официально, по крайней мере.

– Разбирайся... Ты же сыщик. Мой номер восемь, говорю, что знаю, а больше помалкиваю.

– Не прибедняйся! – Владислав Петрович встал и поправил брюки на коленях. – Что-то еще?

– Мог бы и сам додуматься... Кто-то цеплял груз на веревку, значит, работали, как минимум, двое. Ладно, пойдем за чемоданом, надо попробовать отпечатки с крышки снять. Если даже он работал в перчатках, то не всю ведь жизнь. Хотя крышку, конечно, мог запросто подобрать на свалке. Еще советик хочешь?

– Не терплю, когда ты знаешь больше меня, – скривился следователь. – Все жилы вытянешь, пока расскажешь.

Они медленно пошли к стоявшей у бани «Волге», в тени деревьев жара не так угнетала, но духота все равно выдавливала из тела неприятные струйки пота.

– Это я себе цену набиваю, – улыбнулся Фролов. – Опроси свидетелей во дворе. Узнаешь точное время смерти этого юсовца, а заодно наверняка найдешь зацепку по машине, на которой приехал ночной стрелок.

– Наверняка все спали без задних ног, – уныло махнул рукой Владислав Петрович.

– Да? А ты когда-нибудь слышал выстрел из оружия почти тринадцать миллиметров калибром? Он запросто поднимет на ноги еще не остывшего покойника, не то что мирного горожанина с постели. Могу сказать наверняка, что нынешним утром в этом дворе проснулись все. А кто не спал, обязательно подбежал к окну.

– Может, и так, – кивнул следователь.

– Вот я и говорю, что кто-то мог увидеть машину. Какая-никакая, а все же зацепка. Заодно и на часы кто-то взглянул. Звони в полк, пусть присылают сержантов с блокнотиками. Человек двадцать за три часа справятся.

– Должны, – ответил Владислав Петрович, открывая заднюю дверь машины. – Ты уверен, что они не пришли пешком? Ты ведь наверняка, шельмец, оставил что-то напоследок, причем самое интересное. А ну колись!

– Хе... – усмехнулся Фролов. – Хорошо ты меня изучил. Ладно, получай довесочек. Стреляли точно из «Рыси», там на кромке трубы очень характерные насечки от сошки с крюками, а такая только там и стоит. Она тяжелая, как гроб собственной матери, и большая. Таскать ее по городу я бы не

стал, значит, на чем-то привезли. Гильзу можете не искать, у этой винтовки нет инжектора, отстрелянная гильза вытягивается вместе с затвором, вынимается из него и только потом, уже с новым патроном, затвор вставляется обратно. Перезарядить «Рысь» – целое дело, нужно от четырех до шести секунд. Но поскольку выстрел был лишь один, гильза лежит у стрелка дома.

Они вернулись к вонзившейся в землю крышке, и Фролов открыл чемодан. На белый свет показалась резиновая груша и несколько листов специальной липкой ленты для снятия отпечатков пальцев. Эксперт деловито обдул крышку от выварки красящим порошком из груши, посмотрел с одной стороны, потом с другой.

– Пальцев до чертика, – почесал он макушку. – Непонятно, какие брать. Если все, то не хватит ленты, крышка вся залапанная.

– Ладно. – Владислав Петрович не любил лишней ответственности. – Бери ее аккуратно и ложи в багажник, пусть в ЭКО разбираются. Иди, иди, я чемодан заберу. Заодно забегу к кассирше в баню, скажу, что мы уехали, и один вопросик задам.

– Какой? – удивился Фролов.

– Есть ли у них в бане ночной сторож. Может, и не надо никого из полка вызывать. Один такой свидетель стоит десятка.

– Верю, – ответил на незаданный вопрос Саша.

Выпуск новостей по радио еще не кончился, диктор-мужчина равнодушно рассказывал о том, что московским диггерам-спелеологам наконец-то удалось найти в заброшенных штольнях легендарную библиотеку Ивана Грозного, способную, по его словам, перевернуть все современные представления об истории.

Вариация 4

14 ИЮНЯ. ЗЕЛЕНАЯ ПАПКА

Отпустив Сашу Фролова, Владислав Петрович решил уделить внимание пухлой зеленой папке. Он выключил глухоручавший кондиционер, отпер сейф, и добытый утром трофей шлепнулся в кучу бумаг на столе.

Списки «Миссии надежды» выглядели скорее как досье: анкетные данные, количество посещений, степень усвоения материала. И фотографии. Неизвестный фотограф умело схватывал довольные лица, нескрываемое любопытство и интерес на занятиях, подчеркнутую покорность душ на проповедях. К каждой фамилии – три-четыре фото.

После списка лежали отчеты. За первый год принято столько-то, отчислено столько-то, за второй год, за третий. И опять фотографии. Празднование Дня благодарения с индейкой, празднование Дня независимости с костюмированным шоу и самодельным фейерверком, поездка отличившихся в Америку.

– Сколько же денег в это вбухано? – задумчиво шепнул следователь, переворачивая листы первосортной бумаги.

Отдельным документом лежала малопонятная бумага, включавшая в себя только фамилии ездивших в Америку.

Странно... Возраст не меньше четырнадцать лет, а напротив фамилий наших детей – фамилии явно американские. Мальчики напротив девочек, девочки напротив мальчиков. Десять человек наших и шесть американцев. Четверо наших без пары.

Догадка пришла сразу, но Владислав Петрович никак не мог найти привязку своим мыслям. В принципе, нет ничего плохого в том, что во время поездки наши познакомились с американскими ребятами, но зачем все это фиксировать? Кому нужны такие странные сведения? И что они дают? Бред какой-то.

Следователь перевернул следующий лист и замер. Ого! В списке учащихся за следующий год отсутствовало шесть фамилий. Четыре из них – ребята, оставшиеся в прошлом списке без пары. Отчислили? Вот это номер! Надо бы выяснить, за что.

Интересно, кто-нибудь вообще интересовался работой этой секты? Хотя любой интерес можно погасить ливнем денег... Но тогда это уже преступление. Подкуп должностных лиц.

Владислав Петрович встал, достал из сейфа поросший накипью кипятильник и, сунув его в стакан с водой, включил в розетку. Сквозь жалюзи неработающего кондиционера просачивалась злая жара, голова работала вяло, но нервы постепенно входили в то напряженное состояние, которое всегда сопутствует началу раскрытия преступления. Надо выпить

кофе, чтобы его поддержать, иначе монотонное разбирательство и выискивание мелочей быстро сожрут это гуляющее по нервным волокнам пламя.

Он вдруг понял, что мысль, независимо от его желания, выбрала себе вполне однозначное направление. Да, убийство из снайперской винтовки – преступление, безусловно, тяжкое, но, раскрыв только его, удастся ли уничтожить корень зла? Не является ли это убийство лишь тенью чего-то куда более грозного и мерзкого, спрятанного под розовощекой улыбкой в тридцать два имплантированных зуба?

Нечто глубоко внутреннее упорно подсказывало, что именно в работе миссии таится мотив ночного выстрела, что это не ревность к загулявшей жене и не банальные финансовых разборки. И если не понять причину, то кто гарантирует от других преступлений, например, от бомбы, взорванной во время проповеди? А там ведь НАШИ дети...

Стакан на столе захлопал крупными пузырями кипения, заплывав кипятком бесчисленные бумаги. Владислав Петрович не глядя вытянул вилку из розетки и, спрятав в сейф исходящий паром кипятильник, достал оттуда пакетик растворимого «Нескафе». На миг задумался и достал еще один.

Кофе получился черным, как антрацит, но именно такой сейчас и нужен. Пять ложек сахара на стакан. В кофе всего должно быть много – и сахару, и кофе, и кипятка.

Снова присев на скрипнувший стул, следователь вздрогнул. Собственная мысль отозвалась в сердце острой льдин-

кой полузабытого страха. Вот как! В первую очередь подумал о НАШИХ детях. Не о людях, которые могут пострадать при взрыве, а четко разделил возможные жертвы на наших и не наших, словно смерть американцев менее значима.

Он попробовал восстановить необходимый баланс чувств, отхлебнув черного кипятка из стакана, но от этого легче не стало. В голове носились мудрые изречения вроде тех, что «человек – это звучит гордо», что все люди братья и что жизнь, как и небо, одна на всех. Но что-то не ладилось... Вспоминалась Хиросима, Вьетнам, огнемётный напалм, Карибский кризис и графитовые бомбы, вырубавшие системы жизнеобеспечения в больницах Югославии. А тут еще этот Фролов с предложением выпить пивка по поводу убийства «урода» из миссии. Интересно, много таких, кто, прочитав в «Вечерке» про убийство американца, побежит в магазин за пивком? Нет, это уж слишком... Слишком! Жестокости нет оправдания, кто бы ее ни творил, но не Алекс сидел за штурвалом «F-II 7», не он жег деревни Вьетнама и не он назвал смертоносный бомбардировщик именем собственной матери. Точно так же, как не все немцы – фашисты.

Владислав Петрович снова отхлебнул из стакана, поморщился – по жилам уже начинал разливаться знакомый огонь. А если бы он? Что, если бы убили туриста, узнав в нем летчика, пускавшего ракеты по родильным домам Югославии? В памяти возник хрипловатый голосок Саши Фролова: «И что бы ты сделал?» Действительно, что?

Ответственность... Невероятная ответственность за чужие судьбы. Не каждый день думаешь об этом, может, даже не каждый год. Со временем начинаешь черстветь, меньше думать о частностях, меньше чувствовать чужую боль. Но иногда накатывает...

Владислав Петрович вспомнил громкое дело, когда возле радиозавода зверски изнасиловали, убили и расчленили двадцатипятилетнюю девушку. Он сам вел дело, и меньше чем за полторы недели преступники были пойманы. Трое. Одному дали пятнадцать лет, другому восемь, третьему три. Но на этапировании, когда их сажали в спецпоезд, чтобы отвезти в областной изолятор, под ноги преступникам с крыши вокзала швырнули гранату. Погибли все трое, с ними двое милиционеров, а еще семеро конвойных получили тяжелые ранения. Мстителя задержали, конечно, с оцепленного вокзала уйти не было ни малейшего шанса, он знал об этом прекрасно и даже не думал сопротивляться.

Следователь вздохнул, из памяти никак не лез последний допрос задержанного.

– Зачем ты это сделал? – спросил тогда Владислав Петрович с искренним непониманием. – Ведь они уже получили свое. А так пострадали невинные люди...

– Там не было невинных, – ответил молодой парень. – У всех было оружие, и никто не расстрелял этих скотов на месте. Как они собирались жить после этого?

Только когда парнишка ушел по этапу, мама задержанно-

го сообщила, что именно его девушку изнасиловали и убили у радиозавода. Ему вкатили по полной, пятнадцать лет, но он и трех лет не протянул, перерезал себе вены обломком жестяной кружки.

Этот случай следователь запомнил на всю жизнь, тогда он отчетливо понял, что слишком сложно провести четкую грань между Добром и Злом. Но она должна быть. Должна быть обязательно. Потому что без нее сам смысл человеческой жизни становится фикцией, пустым звуком, никчемным потреблением пищи.

Для него этой гранью стал закон – описанные другими нормы поведения и морали, где месть – это плохо, где убийство оправдано только при обороне. Ночной стрелок не оборонялся, он убил хладнокровно и расчетливо, а значит, был Злом по всем категориям. И все же его мотив необходимо понять хотя бы затем, чтоб не допустить этого в будущем.

Чужая боль со временем притупляется, слишком много ее на такой работе, и, лишь заменив ее собственной болью, можно что-то понять.

Жена Владислава Петровича умерла в больнице. Сколько лет прошло? Она легла в гинекологию на сохранение, а молодая медсестра по ошибке вколола ей хлористый кальций. Ей надо было вколоть глюкозу, но трем предыдущим пациенткам прописан был хлористый, и она не разбираясь вколола его и четвертой. Естественно, выкидыш, маточное кровотечение... Остановить не смогли...

Медсестре дали три года за преступную халатность, а его на время рассмотрения дела выгнали в отпуск. Он сидел дома и неотрывно смотрел на вороненый ствол ухоженного «ПМ», не зная, куда пустить пулю: то ли себе в голову, то ли в лицо задержанной медсестры... Он бы смог зайти в кабинет во время допроса, он бы смог поднять оружие на уровень глаз, он только не был уверен, что палец послушно выжмет спусковой крючок.

Две недели он заливал холодную подушку слезами, а верный пистолет терпеливо ждал на столе. Он никогда не подводил – ни в ночных засадах, когда его хозяин еще служил простым оперативником, ни на зачетных стрельбах, посылая пули точно в десятку. Никогда... Но в те жуткие дни он напрасно ждал прикосновения знакомой руки.

Иногда это очень трудно – прощать. Иногда почти невозможно. Только четкая граница между Добром и Злом могла разделить прощение с непощением. Но он установил ее для себя, и она выдержала натиск бурливших эмоций, позволила отгородиться от рвавших душу чувств.

Закон, основанный на человечности, отличает общество от звериной стаи. Именно он не позволяет убивать соседа по коммуналке из-за украденной мочалки, именно он отмеряет каждому по делам его. Владислав Петрович был уверен, что если довести законы до совершенства, то ими можно будет мерить все в человеческой жизни – от гневного слова в лицо до выстрела в спину. Именно закон, по его мнению, был

противовесом беззаконию и жестокости, именно он и только он может их остановить.

Лишь одно не давало покоя... Ощущение, что понятия о Добре и Зле стоят выше человека, что они являются чем-то глобальным вроде закона тяготения. И что человек, создавая свои законы, лишь манипулирует Добром и Злом, как ловкий фокусник. Ведь в разные периоды истории законы были очень разными! Око за око, суд Линча, право первой брачной ночи, узаконенное убийство крестьян самураями, расстрелы в период сталинизма, унижение и осуждение бежавших из плена солдат, рабовладение, гладиаторские бои, хороший индеец – мертвый индеец, подставь другую щеку, возлюби ближнего, не убий, не изливай семя на землю... Общество и государство всегда подстраивало законы под себя, они являлись лишь инструментом в его жестких руках, рельсами для движения к цели. Дальней и непонятной.

Получается, что законы изменяются вместе с обществом, они являются лишь отражением условий, в котором общество существует. И если для выживания общества будет необходим каннибализм, рано или поздно он будет узаконен так же, как было узаконено рабовладение.

Владислав Петрович почувствовал, что установленная им граница между Добром и Злом начала размываться, стала зыбкой, как туманное марево. В голове смутно стали проявляться вопросы, на которые он не знал ответа.

– Стоп! – тихо сказал он себе, отпив три добрых глотка

горячего кофе. – Так мы зайдем черт знает куда.

Действительно, если законы создает общество, а он является частью этого общества, то нынешние законы должны его устраивать. Устраивают? Почти во всем. Значит, все верно... Значит, это единственное, что может отделить хорошее от плохого. Законы надо соблюдать. Точка. Конец абзаца.

Он прикрыл папку и удовлетворенно откинулся на расшатанную спинку стула. Кофе в стакане еще оставался, мысли стали ясными и конкретными. Надо, пожалуй, включить кондиционер, теперь его шум не будет мешать.

Когда жуткое устройство в окне снова затряслось мелкой дрожью, Владислав Петрович сел за стол, оставил грязный стакан и принялся печатать первый отчет по новому делу. Не для начальства – для себя самого.

Мысли, изложенные на бумаге, часто позволяли выявить такие связи, которые в уме не проследить никогда. «Что мы имеем? Предварительно и по непроверенным данным два преступления. Одно совершено работниками „Миссии надежды“, другое в отношении одного из работников миссии. Так? Назовем это чутьем. Никаких доказательств против миссионеров у меня пока нет, но с этой сектой что-то не чисто. С чего начнем разматывать клубок? Первое – проверить отпечатки пальцев на крышке. Второе – снять отпечатки у всех работников миссии. Третье – снять отпечатки у родителей тех детей, которые были отчислены из секты. Глупо. Стрелял явно профессионал. Ну и что? Его мог нанять

кто угодно, а заодно презентовать свою личную крышку от выварки. Маловероятно, но за спрос не бьют в нос. Заодно лишние пальчики в картотеку. Главное, есть законное основание.

Дальше... Проверить пальчики по картотеке, может, обладатель хоть одного отпечатка уже знаком с правоохранительными органами. Это было бы идеально. Но мы предполагаем, а бог располагает.

Потом главное – установить путь появления в городе столь необычного оружия. По словам Фролова, оно все на строжайшем учете, а значит, возможны лишь три варианта. Первый – использование оружия санкционировано какой-то государственной спецслужбой. Если так, то мне хрена с два дадут что-то разнюхать, зато я сразу пойму это и закину дело подальше.

Второй вариант интереснее. До или после проведения назначенной операции снайпер государственной спецслужбы несанкционированно использовал оружие в своих целях. Вот на этом можно орден заработать. С закруткой на спине... Ладно, поглядим.

Третий вариант из области фантастики. А значит, наиболее вероятен. Во время боевых действий одна из винтовок была утрачена, о чем нужно найти соответствующий отчет военных. Скорее всего, утрачена была не одна, а несколько, но тогда одна уж точно уцелела. После этого нам останется лишь выяснить имена людей, причастных к утрате этого

оружия, проследить их дальнейший жизненный путь и найти конец ниточки. Самому мне в этом копать не дадут, значит, надо подпрячь украинскую Службу Безпеки.

Черт... Фиги с две! Граждане Украины не принимали участия ни в одном вооруженном конфликте, разве что на чужой стороне и сугубо добровольно. Значит, в государственных структурах этих данных нет. А российские спецслужбы, особенно в нынешней ситуации, не дадут мне даже понюхать свои документы, не то что поглядеть. Плохо!

Ладно, отработаем первые два варианта. Узнаем в Безпеке, сколько у нас числится этих «Рысей» и где они есть. И если наткнемся на стену, то дело можно сдавать в архив. Висяк. Если же нет, то потянем дальше.

Кстати, Фролов ведь воевал с чеченцами в составе спецчастей российского Черноморского флота и лишь потом, приняв по месту жительства украинское гражданство, поступил в органы МВД Украины. Надо его расспросить, может, он знает что-то об утеранных в боях винтовках. Должен знать! Слухами земля полнится, особенно на войне.

Теперь немного о самой «Миссии надежды». Нужно побеседовать с детьми, отчисленными после поездки в Америку. Еще надо переговорить с парочкой тех, кого не отчислили. Для контраста и более широкого взгляда. Пока вроде все, может, потом в голову придет что-то свежее».

Владислав Петрович выбил последнюю точку и, вытянув лист из машинки, аккуратно спрятал его в карман. Это не

для начальства.

«Еще, что ли, кофе налить? Нет уж... Сердце и так временами напоминает, с какой оно стороны. Лучше вечером сварю настоящего, а эту растворимую кислятину разводить не стану».

Он взглянул на часы и недовольно скривился. До конца рабочего дня еще три часа. Нет, хоть тут и кондишн, а надо пройтись, иначе крышу начнет рвать конкретно. Снова полезет в голову всякое Добро со Злом, будь оно неладно.

«Точно, пройдусь в ЭКО, узнаю, что они накопили насчет пальчиков и пули. А в тех местах хорошо, море рядышком, бульвар зеленый, кафешка приличная. Вот там кофе и выпью».

Он привычным движением запер сейф, взял со стола рабочую папку с бланками, закрыл дверь в кабинет и, спустившись по лестнице, крикнул помощнику дежурного:

– Я в ЭКО, если что.

– Рацию возьмите! – посоветовал сержант.

– Ага... Чтоб вы мне жизни не дали? Там телефон есть. А наябедничаешь начальнику, я тебя на первой же взятке поймаю.

– Я не беру, – улыбнулся сержант.

– Значит, не дают, – пошутил Владислав Петрович и выскользнул на улицу.

Вариация 5

14 ИЮНЯ. ГОПНИКИ

Самая злая летняя духота наваливается именно после обеда, и хотя солнце шпарит уже не так сильно, прикрываясь вяло качающимися тополиными верхушками, но все вокруг накаляется настолько, что сам воздух несет в себе жаркое дыхание дневного светила.

Владислав Петрович надел темные, давно вышедшие из моды очки в роговой оправе и двинулся по главной городской улице. Сквер, тянувшийся вдоль узкой морской бухточки, набросил на асфальт почти прозрачную сетку тени, пытаясь спасти отдохавшую на лавочках молодежь от палящих лучей солнца. Но пяти нелепо разодетым парням и четверем веселым длинноногим девчонкам жара была явно нипочем. Они со смехом прихлебывали пиво из бутылок, курили, слушали здоровенный магнитофон и даже пытались приплясывать в такт скрежещущей музыке. На других лавочках тоже сидели люди, а в густой траве клумбы играли с большим вислоухим щенком двое ухоженных ребяташек.

Забойный ритм рвущейся из динамиков мелодии невольно подстроил под себя шаг, следовательно улыбнулся, пытаюсь разобрать слова английского текста. Английским, прав-

да, это назвать было трудно, но сквозь нарочитый американский сленг все же иногда пробивался смысл. Что-то о маме поющего и о том, что ему нравится, как она занимается сексом. Очень мило. Если бы эти подростки могли понять, то им бы понравилось. Хотя знают, наверное... Раньше мы переписывали в тетрадку переводы «Битлов», а они переписывают это. Каждому поколению положена своя музыка, нравится она нам или нет.

Владислав Петрович никогда не понимал бурчания знакомых, когда те хаяли нынешнюю молодежь. Мол, уже не та, слушает не то и не в то одевается. Во времена их молодости хаяли Элвиса и «Битлз», но это ничего не меняло – сами же стриглись «под Пресли» и носили потертые джинсы, купленные за двадцать рублей. И это ничуть не мешало им побеждать в Афгане, делать открытия и становиться политиками.

Музыка не в силах сделать из хорошего человека плохого. Жаль, правда, что и из плохого она не сделает хорошего. Она просто отражает теперешнее состояние души, вот и все. Именно от уже существующих душевных качеств зависит, какую музыку человек выберет. Проходит время, меняется человек, а с ним меняется и музыка, которую он слушает.

– Гляди, как старикан с музона прется! – задорно хохотнул один из парней, одетый в джинсовую безрукавку на голое тело и в чуть заезженные белые штаны. – Чё, в тягу музон, папаша? Так спляши!

Владислав Петрович отвечать не стал, даже взгляда не

скосил. К чему? Он прекрасно понимал, что такое выкобенивание перед девчонками нельзя назвать оскорблением, скорее это даже поощрение за понимание, а может, простое возмущение спокойствия. Ну кто из нас не делал этого в молодости, когда каждая клетка организма кричит тебе: «Ты – бунтарь!» Правда, раньше форма этого бунтарства не была столь грубой.

– Да ему в падлу с тобой базарить, – хмуро фыркнул дружкой. – Или не просекает чувак...

Первый парнишка театрально плюнул вслед «старикану», чем вызвал дружный хохот девчонок. Плевок и впрямь получился удачным – тягучая слюна повисла на самом краю брючины следователя, смешно растянувшись по асфальту сантиметров на двадцать.

Владислав Петрович приложил усилие, чтоб не ускорить шаг. «Дети... Не набравшиеся ума и опыта дети. Можно ли нам, многоопытным и умным, гневаться на этих подростков, упивающихся собственной безнаказанностью? Ведь она мнимая, эта безнаказанность. Мнимая! Стоило бы им перейти к действиям, оскорбить женщину, обидеть ребенка младше себя, и я бы тут же это пресек. Тут же! Сколько их? Пятеро парней, уже не совсем трезвых, девушки вообще не в счет. Бывало и больше, но как-то справлялся. Правда, с оружием, но тут управа недалеко.

Такая мелочь, как плевок в спину, не стоит драки. Это ведь дело такое – неудачно ударил, отправил на тот свет, а

из него мог бы получиться новый Эйнштейн или Ломоносов. Нет, насилие ничего не решает. Нужно быть выше этого. А штаны – чушь собачья. Выстирал их, и все».

Смех позади не стихал, писклявый девичий голос крикнул ободряюще:

– Вон еще один! Повтори на бис, Рыча!

Владислав Петрович чуть повернул голову и увидел, как пожилой мужчина с тростью, чуть сгорбившись, спешит одолеть опасное место.

– Да ну вас... – отмахнулся подросток. – Что я, верблюд?

– Просим, просим! – хором захлопали в ладоши девчонки.

Парень усмехнулся, шумно набрал слюну вперемешку с соплями и плюнул вслед старику, расплескав пиво из бутылки. На этот раз мимо.

– Акела промахнулся, Акела промахнулся! – противненьким голоском заверещал один из его друзей. – Приз уходит к телезрителям!

Девушки дружно захохотали, а остряк забрал у неудачливого товарища полупустую бутылку пива.

– Вот как надо! – Он коротко плюнул, посадив тягучий снаряд прямо на воротник рубашки прохожего.

Дружные аплодисменты стали наградой за столь успешное поражение цели. Подростки хлопали и хлопали, поэтому Владислав Петрович даже не сразу понял, отчего один из них, картинно взмахнув руками, взвился в воздух и, дважды перевернувшись, рухнул на ближайшую клумбу. И толь-

ко через долгую секунду из густого кустарника вихрем вырвалось что-то страшное, пятнисто-зеленое, совершенно босое и безостановочно разящее.

С невероятным изумлением следователь узнал Сашу Фролова. На его лицо было страшно смотреть, в глазах бушевало настолько безумное пламя, что, глянув в них, сразу становилось понятно – спасения нет.

Фролов бил уверенно, короткими скоростными сериями по два-три удара в цель, не оставляя за собой ни одного подвижного тела. Он не обращал ни малейшего внимания на получаемые со всех сторон удары, только один раз увернулся от брошенной в голову бутылки. Он не ставил блоков, не кувыркался, просто с невероятной скоростью, точностью и силой наносил удары, словно кий по бильярдным шарам. И как бильярдные шары один за другим разлетались его противники, непонимающие, до смертельной бледности перепуганные таким жутким натиском. В эти секунды в нем было больше от работающей машины, чем от живого существа, а забойный ритм ошалевшего магнитофона только усиливал и без того страшное впечатление.

Вскочившая с лавочки девчонка тут же получила четкий удар в объемистую грудь, перевалилась через дощатую спинку и с тихим стоном скрючилась в траве. Остальные, будто воробьи из-под ног, бросились в разные стороны. Но уйти Саша дал только девчонкам – в три прыжка догнал последнего подростка и, как провинившегося котенка, накрепко ухва-

тил за шиворот. Джинсовая безрукавка на парне треснула, выпустив длинную белую бахрому, он дернулся пару раз и затих, под ногами на почерневшем асфальте разлилась большая вонючая лужа, взмокшие белые штаны неопрятно прилипли к ногам.

– Стоять! – тихо прошипел Фролов.

В его глазах медленно угасало безумное пламя.

– На колени!

Парень безропотно бухнулся штанами в собственную лужу.

Вокруг места побоища быстро собиралась толпа, со всех сторон неслись одобрительные возгласы, но Фролов их словно не замечал. Он отпустил разодранную безрукавку и деловито спросил:

– Твой магнитофон?

– Не... – бледными губами прошептал подросток. – Это Форса у бати на день взял.

– А... Жаль. Дорого небось стоит?

– Сто баксов.

– Врешь, наверное... Ладно.

Он, словно выполняя давно надоевшую работу, подошел к лавочке, выключил магнитофон, вдумчиво размолотил его о бордюр, подобрал свои шлепки и вернулся к пареньку, обходя разбитые бутылки.

– На четвереньки! – уже почти весело скомандовал он.

Мальчишка подчинился беспрекословно, в разлившуюся

лужу между его ладоней начали падать крупные слезы.

– Может, не надо издеваться над парнем? – участливо спросила полная женщина лет сорока в ярком ситцевом сарафане.

На нее тут же зашикали, разъясняя случившееся, отеснили из первых рядов.

В наступившей тишине назидательно прозвучал картавый детский голосок:

– Мама, ну где ты была? Тут так здорово! Дядя хулиганов побил, они во всех прохожих плевались, но теперь их заберут в милицию и посадят в тюрьму.

Владислав Петрович медленно приходил в себя после неожиданного потрясения. Фролов стоял всего в десятке шагов, но следователь словно боялся подойти ближе, ожидая незаметной другим пощечины за то, что сам не поставил на место распоясавшихся хулиганов.

Рядом со стоящим на карачках парнем Саша был похож на пограничника с собакой – суровый защитник и в доску преданное существо, готовое лизать подошвы его пляжных шлепанцев.

Взгляд старого друга когтями впивался под ребра, выискивая скомкавшуюся от стыда душу, и Владислав Петрович с огромным трудом одолел этот десяток шагов.

– Слизывай то, что нахаркал... – сухо бросил парню Фролов и подкрепил слова ободряющим пинком.

Следователь покраснел от стыда, когда дрожащий язык

хулигана принялся вылизывать задники его сандалий и низ испачканной брючины. Зрелище было не из приятных, но народу явно понравилось. Люди очень любят справедливость, особенно когда она утверждается чужими кулаками.

– Пшел вон, – сильнее пнул подростка Саша.

Тот рванулся вперед так, будто его пнул слон, а не тридцатилетний мужчина чуть выше среднего роста. Кое-кто из поверженных хулиганов со стонами начал приходить в себя, остальным явно требовалась медицинская помощь, а один уже начал захлебываться в собственной рвоте. Фролов рывком перевернул его лицом вниз, и тот задышал часто и болезненно, похрустывая сломанной челюстью.

Шоу окончилось, народ принялся расходиться.

Милицейский наряд из пяти бойцов примчался галопом ровно через четыре минуты. Интересно, на какие расстояния их теперь посылают пешком, а на какие все же выделяют машину?

Милицейские выглядели грозно – черная форма, черные бронежилеты, вороненные стволы укороченных автоматов, серые перевязочные пакеты, забитые в рамки прикладов. Высокие штурмовые ботинки и лихо заломленные на ухо малиновые береты щедрыми мазками дополняли картину.

– Старший сержант Звягин! – гаркнул командир наряда, ни к кому особо не обращаясь. – Свидетели есть?

– Здравствуй, Миша, – поздоровался с ним Владислав

Петрович. – Я, конечно, не свидетель, но рапорт напишу.

– Это тоже пойдет, Владислав Петрович, – кивнул сержант. – Но вы же знаете, нужен кто-то гражданский, а лучше двое. О, Сашка! Привет! Ты ведь не служишь? Напиши, а? Чего тут вообще случилось?

– И рад бы в рай, – невесело улыбнулся Фролов. – Да грехов столько... Я, Миша, больше в этом деле подозреваемый, чем свидетель.

– Это ты их так в одиночку? – уважительно покачал головой Звягин. – Во даешь... А нам звонят, говорят, групповая драка.

– Она и была групповая, – вспомнив старый анекдот, подтвердил следователь. – Перед тобой как раз группа потерпевших.

Сержант несколько заискивающе оглядел быстро рedeющую толпу.

– Ну кто-нибудь что-нибудь видел? – почти безнадежно спросил он.

– Я все напишу, – тихо сказал оплеванный хулиганом старик с тростью, расправив плечи.

– И мы все видели! – поднял руку парень, ободряемый стоявшей рядом девушкой.

– Отлично! – Сержант, облегченно вздохнув, достал из-под бреника бланки объяснительных, три авторучки и вручил все это свидетелям. – Устраивайтесь, пишите.

С улицы в сквер, тихо фыркая выхлопной трубой, медлен-

но въехала машина «Скорой помощи» и остановилась у самой лавочки. Замученный жарой врач вышел, хлопнул дверцей и хмуро оглядел валяющиеся тела. Некоторые уже были в состоянии двигаться.

– Допрыгались... – презрительно скривился он. – Грузите их в машину, а то в первой травме как-то пустовато. Не то что зимой. Тьфу... Обгадились все...

Он достал из кармана сигарету без фильтра, прикурил от спички и заинтересованно спросил, глядя на милиционеров:

– Это вы их так отметили?

– Не, – отмахнулся Звягин. – Это вон Саня Фролов. Странно, что не поубивал.

Двое санитаров молча, одного за другим, усаживали в «Скорую» постанывающих парней. По всему видать, здоровякам в белых халатах было без разницы – грузить людей или мешки с картошкой.

– Там еще девушка за скамейкой, – показал пальцем Фролов.

Один санитар подхватил ее на руки и немного бережней, чем остальных, посадил в машину. Врач сделал глубокую затяжку, и через секунду окурочок полетел мимо рядом стоящей урны.

– Все, погнали!

Доктор махнул водителю, сел на свое место, и машина, подвывая задней передачей, медленно, как большой угловатый зверь, вылезла из сквера на улицу.

– Ладно, – весело сказал командир милицейского наряда. – Разнимать тут некого, задерживать тоже, значит, мы пойдем. А то жарища невыносимая, да еще в брониках. В управе хоть чуть-чуть, но прохладнее, по крайней мере, солнце не шпарит. Витек, ты, как самый молодой, останешься ждать объяснительные, только смотри, чтоб все было указано, а то вечером пойдешь к свидетелям по домам, с милой улыбкой выпрашивая писать на бис. Понял?

– Так точно, – вяло протянул боец, устраиваясь на лавочке.

– Автомат давай, – забрал оружие сержант. – А то еще повесишь на дерево, чтоб не мешал...

Отдыхающие в сквере уже словно забыли о происшедшем, только трое свидетелей вдумчиво свивали в строчки объяснений разрозненные мысли вперемешку с еще не остывшими чувствами. Владислав Петрович обошел всех троих, подсказывая совершенно необходимые вещи, например то, что нужно обязательно указать название улицы и время происшествия.

– Ты как тут оказался? – освободившись, спросил он у Фролова. – Явился, как злой джинн из арабской сказки. Сдурел, что ли? Нашел, на ком свои умения демонстрировать! Это же дети, понимаешь? Дети! Несмышленные, глупые. Ты же не избиваешь ребенка за то, что он вазу с комода уронил?

– Но я бы ему попробовал объяснить, что вазу не следует трогать.

– Вот бы и этим объяснил! Ты хоть попробовал? А то сразу с кулаками... Ты же взрослый человек, Саша.

– Что я им должен был объяснить? – пожал плечами Фролов. – Что плевать в прохожих нехорошо?

Владислав Петрович не нашелся с ответом. Было что-то странное в Сашинем вопросе, но в то же время нечто откровенно правильное, лежащее на поверхности, но втоптанное в пыль обиденности несметной поступью поколений.

– Ну... – растерянно протянул следователь. – Все же принято сначала поговорить, разъяснить и, уж если не доходит, тогда в бубен. Вся система законности...

– Только не надо чушь пороть! – зло сверкнул глазами Фролов. – Система законности. Ты в ЭКО шел? Пойдем вместе, я хочу пулю поглядеть, заодно и поговорим по дороге.

– Ты что, от управы за мной шел?

– Ну! Заскочил к дежурному, он говорит, что ты минуту назад вышел в ЭКО. У меня к тебе пара дел есть, а тут эти ублюдки подвернулись...

Они вошли в густую тень тутовой аллеи и медленно двинулись в сторону моря, черные ягоды шелковицы расплющились на асфальте, собрав мух и пчел со всей округи.

– Видел я, как они тебе подвернулись, – скривился Владислав Петрович. – Эдак уж лучше под паровоз подвернуться, честное слово.

– Нет, ну ты отбрось заготовленные фразы, – перебил его Фролов. – Отбрось и попробуй сказать своими словами, что

я им должен был объяснить.

– Ну... Я же говорю, хотя бы попробовал остановить словами!

– Да? И как это выглядело бы? Типа – мальчики, не надо плевать в прохожих? Еще, блин, знаки развесьте в скверах. С перечеркнутым красной линией плевком на белом фоне. «Плевать в прохожих запрещено»! Идиотизм... Плакаты развесьте, на троллейбусах напишите... Нельзя плевать в людей, нельзя резать сиденья, бить фонари и кидаться яйцами с балконов. Думаешь, поможет? Напишешь «яйца», станут кидаться помидорами, напишешь и про помидоры, выдумают что-то еще, может, даже похуже.

– А ты в детстве не кидался яйцами с балкона?

– Кидался. И если бы не кидался, то не распинался бы сейчас перед тобой. Поверил бы старшему и более опытному. Но я кидался и помню, как дрожал от возможности разоблачения. И если бы мне тогда хорошо надрали задницу, то я это воспринял бы как должное наказание.

Владислав Петрович вспомнил, как задержанные подростки, бывшие такими крутыми на улицах, на допросах заливались слезами и соплями, бегали по школам, выклянчивая положительные характеристики, водили сердобольных родителей, чтоб замолвили слово. Лишь бы отмазаться... И куда с них девается спесь? До чего же легко у них разухабисто «эй, старикан» превращается в «дяденька, я больше не буду».

– В чем-то ты прав, – усмехнулся следователь. – Я тоже выцарапывал в подъезде: «Владик + Света = Любовь» – и тоже боялся, что меня за этим застанут. Да, пожалуй, не нужны слова, чтоб уяснить – портить стены нехорошо. Но я бы тогда не понял, если бы меня избили. Не понял бы и озлобился на всю жизнь.

– Это немного разные вещи, – уверенно сказал Саша. – Ты никого не унижал этим выцарапыванием. Тебя нужно было поймать за шиворот, дать банку краски, кисть и заставить выкрасить весь подъезд. Это бы помогло. Веришь?

– Пожалуй...

– Вот видишь! Твои действия не преследовали своей целью конкретно испортить стену, не было в тебе злого умысла. Хотелось писать, а бумаги под руками не было. Ты знал, что плохо царапать гвоздем, но очень уж хотелось показать, как ты любишь эту Свету. Вот и наказание для тебя должно было быть адекватным.

– Наказание всегда должно быть адекватным!

– Ой ли? – недобро сощурился Фролов. – На мой взгляд, адекватность наказания – это самая большая ошибка современного правосудия. Такое положение вещей формирует в душах людей, особенно не очень стойких, целую систему ценностей. Вроде ценников на рынке. Это зло я могу себе позволить, а это мне не по карману. Сорвать трубку с телефонного аппарата могу, это всего пятьдесят гривен штрафа, родители отбашляются, а вот избить своего преподавателя в

ПТУ не могу, потому что за это могут вкатить пятнадцать суток – сидеть неохота. Легче сделать домашнее задание.

– Ну ты сказал, – искренне рассмеялся Владислав Петрович, сорвав с клумбы длинную травинку. – По-твоему, за разбитую трубку надо сажать в тюрьму?

– Нет, – без тени иронии ответил Фролов. – За это надо расстреливать. А еще лучше вешать публично.

– Ты давно у «психа» обследовался? – покрутил у виска следователь.

– Я там на постоянном учете, – отшутился Саша. – Вот давай ты попробуешь выбросить из головы вдолбленные тебе с детства «истины», и мы попробуем разобраться во всем этом непредвзято.

– Ну, – заинтересованно глянул на друга Владислав Петрович.

– Система наказаний, – начал Фролов, – стоит у нас на адекватности. Мелкое нарушение – нестрогое наказание, страшное преступление – государство и кровью руки замарать не боится. Верно?

Следователь согласно кивнул.

– Казалось бы, все логично и правильно. Но только на первый взгляд! Законодательство, творя законы, прикрывается таким понятием, как общественная опасность деяния. Чем выше опасность преступления для общества и государства, тем строже должно быть наказание. Вот с этим я согласен на все сто! Но именно этот принцип не соблюдается при адек-

ватности наказаний.

– Сам себе противоречишь.

– Нетушки! Никакого противоречия нет, просто преступление само по себе является общественно опасным деянием.

– Но степень опасности разная, – ввернул Владислав Петрович. – Поэтому разная строгость наказания. Все верно!

– Не перебивай, с мысли сбиваешь! Тогда скажем так, что общественно опасной является склонность к совершению преступлений.

– Это тоже учтено в законодательстве! – победно улыбнулся следователь. – Повторное совершение преступлений наказывается намного строже.

– Ты мне мысль не даешь выразить! – обиделся Фролов. – Можешь пять минут помолчать?

– Ну ладно, ладно, говори. А то лопнешь с натуги.

Они прошли по ступенькам и начали спускаться к морю по полого убежавшему вниз тротуару. Зелени вокруг становилось все больше и больше, а ласковый морской ветерок выгонял из парка засевающую в пятнах света жару.

Саша немного помолчал на ходу, собираясь с мыслями, и уже совсем спокойно сказал:

– Понимаешь, Владислав Петрович, преступления бывают очень разные. Ты это знаешь куда лучше меня! И убийство убийству рознь, даже если не говорить о самообороне. Суд, конечно, учитывает все аспекты по мере возможности, но не учитывает важнейшего – зачем, собственно, человек

вообще убивает.

– Мотив, что ли?

– Трудно мне с тобой говорить! – вздохнул Саша. – Я, как та собака – понимаю, а сказать не могу. Не хватает у меня юридического образования.

– Ничего, ты говори, говори, я тебе помогу. Понимаешь, я сегодня тоже над этим думал, интересно теперь узнать твои мысли.

– Ладно... Я не о мотиве говорю. Мотив – это то, что человек хочет получить после убийства. Деньги забрать, вернуть жену, отомстить конкуренту. Это уже после, понимаешь? А меня интересует момент, когда уже все просчитано и рассчитано и человек идет лишать другого человека жизни. Усекаешь?

Владислав Петрович кивнул, хотя пока понимал смутновато.

– А бывает иначе, – продолжил Фролов. – Никто ничего не рассчитывает. Залез к тебе кто-то в хату, ты хвать ствол из-под подушки – бац, бац... Готов. Унесите. Или наоборот, заходишь в кабак, а там твою дочку наркотой угощают. Ты затворчиком клац... И адью. Это ведь не самооборона, да?

– Ну, если в хату, то самооборона, а если в кабаке, то уж никак.

– Ага. Вот это мне и надо. Убийца в данном случае не отыскивал жертву, не думал об убийстве за три дня. Увидел и выстрелил.

– Нет, Саша, погоди... – остановил его следователь. – Я уже понял, к чему ты клонишь. На самом деле тут учитывается как раз мотив. Ничего нового ты не придумал. Мотив и обстоятельства. Жестоким было убийство или нет, в корыстных целях или нет. Суд все это учитывает и выносит приговор.

– Ага... Вот мы и дошли до нужного места. До того, когда человек задумывается о том, что ему нужно совершить преступление. Давай для понятности скажем так, что человек решил сделать зло. Так вот именно этот процесс осмысления цели и средства для ее достижения показывает, что человек отдает себе отчет в собственных действиях. Именно такого человека можно нормально судить по нынешним законам. Это обычный преступник.

– А есть необычные? – улыбнулся Владислав Петрович.

– Конечно. О них я и хотел поговорить. Есть преступники, а есть варвары. Те, кто совершает преступления просто так, вообще без всякой цели. Играючи. Сам процесс совершения доставляет им удовольствие.

– Маньяки, что ли? – не понял следователь.

– Нет, совершенно нормальные люди. Вроде этих пацанов, которых только что увезли, вроде тех, кто вспарывает сиденья в троллейбусах и разбивает дорожные знаки.

Да, да! Я говорю о тех, кто вообще не попадает под категорию преступников, поскольку те мелочи, которые они творят, государство даже преступлениями не называет. Право-

нарушения... Вешать кошек на заборах, стрелять голубей из рогатки, угонять машины, чтоб покататься, оплевать прохожего. Для них это игра с элементами риска, понимаешь? Если поймают, то надерут уши. Это и есть риск. Ну скажи мне, каким мотивом можно оправдать разбивание стекол в поездах или сожжение заживо собачонки во дворе?

Владислав Петрович шел молча, он уже все понял.

– Я могу оправдать убийство, – снова начал заводиться Фролов. – Я могу оправдать кражу, обман, я придумаю тысячу адвокатских отмазок в оправдание неплательщика алиментов, но беспричинное зло, зло ради зла я оправдать не могу. Ничем! Понимаешь? Ну как можно назвать зло мелким, когда оно совершается только для игры в приключения? Игра с элементами риска... Разве это игра, когда бессловесных животных убивают совсем не для еды, вспарывают сиденья не потому, что нужен кусок дерматина...

– Я понял, Саша. Успокойся, на тебя люди оборачиваются. И что ты предлагаешь?

– Просто отменить эту игру. Зачем она нужна?

– В смысле? – Владислав Петрович даже остановился от неожиданности.

– Пойдем, пойдем, – Саша потянул его за локоть. – Отменить ее проще простого. Убрать из нее элемент риска – и никому даже в голову не придет играть в такие игры. Заменить риск надирания ушей на опасность для жизни, понимаешь? Объявить, что за эти правонарушения наказанием будет ви-

селица на главной площади города. По воскресеньям. Скажи мне, найдется тогда хоть один идиот, который рискнет пырнуть ножом по сиденью? Да, скорее всего не поймают. А вдруг? В девятнадцать лет рисковать жизнью ни за что?

– Лихо ты завернул, – серьезно кивнул следователь. – Помнишь, как в девяносто первом ввели новую инструкцию по применению оружия? Нет? А, точно... Ты ведь тогда еще служил срочную. Короче, ситуация была такова – у граждан появились мощные автомобили иностранных марок, с которыми милицейским патрульным машинам нечего было и тягаться. Многократно участились случаи «неостановки инспекторам ГАИ», многократно увеличилось число преступлений, совершаемых с использованием автотранспорта. Почему бы и нет? Ведь за неостановку штраф был не очень велик, что-то около пятидесяти советских рублей. Что это для владельца «БМВ» или «мерса»? И вот с первого января девяносто первого года ввели новый закон «О милиции Украины», где шестым пунктом инструкции по применению оружия разрешалось «использовать оружие для остановки транспортных средств путем их повреждения, если водитель своими действиями создает угрозу жизни или здоровью граждан либо работника милиции».

– И? – поднял брови Фролов.

– Как действия, создающие угрозу жизни граждан, можно расценить и попытку уйти от преследования патрульной машиной на большой скорости. Вот и понеслось. В течение ме-

сяца водители поняли, что лучше останавливаться, чем выколупывать машины из кюветов, оврагов и столбов, чем рисковать получить в задницу пулю, пущенную не очень метким инспектором.

– Что, стреляли?

– Еще как! – усмехнулся Владислав Петрович. – Еле успевали проводить служебные расследования. Но поскольку такая пальба каждый раз признавалась в рамках нового закона, водители быстро пришли в норму.

– Вот видишь! – довольно кивнул Саша. – Государство применило неадекватную меру против правонарушения. Ведь «неостановку инспектору» тоже ничем нельзя оправдать, кроме попытки скрыть более тяжкое нарушение или преступление. А это уже игра с элементами риска – «поймают – не поймают». Помогло! Опять же вспомни, как уменьшилось число квартирных краж после того, как в домах разрешили держать гладкоствольные ружья и применять их для обороны жилища! Неадекватность, понимаешь! Ты хочешь украсть штуку баксов, а тебе жакан в лоб. Каково? Захочется лезть? Если бы ружья вообще всем раздали бесплатно, то количество квартирных краж быстро бы стало стремиться к нулю. Преступления порождает только безнаказанность. Для преступника овчинка не должна стоить выделки. А сейчас ему просто предлагают ценник – сделаешь то-то, получишь такое-то наказание. Как бы заранее предлагают ему совершить преступление, если он считает возмож-

ным для себя понести указанное наказание. А отчего же не отсидеть семь лет, даже в нашей тюрьме, если есть возможность украсть миллион? Только покажи, где он лежит! Стадо ломанется, от желающих отбоя не будет. А надо сделать такую систему наказаний, чтоб на машине, перевозящей деньги, можно было плакат вывешивать: «Тут лежит миллион». И чтоб ни одна зараза не позарилась!

– Ну это ты уже хватил через край! – выходя на набережную, улыбнулся Владислав Петрович. – Желающие все равно найдутся. Некоторых не сильно останавливает и высшая мера наказания.

– Вот их и вешать... Очень даже удобно. Хорошо, когда найдутся желающие повеситься при большом скоплении народа и под музыку. Другим неповадно будет. Веришь?

– Да уж, похоже на правду. – Следователь уже явно настроился на шуточный лад. – Хочешь мороженого?

– Ну, если развесного, тогда с удовольствием. В стаканчиках я не терплю. – Саша быстро заводился, но так же быстро умел отходить. – Пойдем в «Островок», а? Там мороженое подают с клубникой и киви, очень даже съедобно. Только если ты угощаешь, я бабок ни гроша не взял.

– Вот захребетник, – рассмеялся Владислав Петрович. – Пойдем, пойдем.

Народу на набережной было полно. Торговцы летними сувенирами наперебой предлагали с лотков лакированные ракушки, засушенных крабикови, самые разные безделушки

из местных пород дерева. Покупали у них не много, но толпились изрядно, а вот к веселому горластому фотографу с обезьянкой стояла приличная очередь из желающих запечатлеться на фоне ласкового южного моря. Фотограф в шортах, шляпе и рубаше с яркими разводами работал споро, не уставал отпускать безобидные шуточки, создавая по-настоящему летнее настроение.

Над морем трепетали паруса прогулочных яхт, дул несильный, но устойчивый бризовый ветер, а солнце уже не казалось таким злым и безжалостным. Почти у самой воды, словно диковинные исполинские грибы, пестрели зонтики прибрежных кафе и ресторанчиков, яркой белизной новенькой пластмассы выделялись столы и стулья. Все чистенькое, словно игрушечное. Едва уловимо пахло морской солью и прелыми водорослями.

Вниз, к морю, вела широкая лестница, и Владислав Петрович уверенно направился к ней.

– Посидим минут двадцать, – довольно, как кот, сощурился он. – А то так задолбала эта жара... Поедим мороженого, а я кофе выпью. В кабинете наглотался растворимого, теперь организм просит чего-нибудь получше.

– Дорогой тут кофе, – осторожно заметил Саша.

– Эх! В могилу денег все равно ни копейки забрать не дадут, да и не нужны они там.

– Хорошая философия! – одобрительно хмыкнул Фролов, выбирая столик поближе к воде.

Эффектная длинноногая официантка смерила Сашу каким-то странным взглядом, видать, с этим приличным заведением его футболка, штаны и шлепанцы гармонировали не очень.

– Пива? – чуть скривившись, спросила она.

Грудь у нее выпирала так, что на белой сорочке, казалось, вот-вот сорвет пуговицы, они визгливыми рикошетами ударят в стол и улетят далеко в море. Черная юбка кончалась чуть выше, чем начинаются ноги, а волосы походили на гриву матерого льва.

– Два мороженных с клубникой и один кофе, – с легкой издевкой ответил Владислав Петрович, уложив на стол свою папку. – Кроме клубники не забудьте положить киви и ананас. Саня, хочешь вина?

– На шару? – Фролов нарочито осклабился, вызвав у официантки легкое содрогание.

– Я ж тебе говорю! – поддержал его манеру следователь. – Угощаю!

– Хе... Тогда пусть хоть уксус несет! Но лучше «Крымский эдельвейс». Двести грамм в запотевшем бокале. А на закуску...

– Обойдешься, – оборвал его Владислав Петрович.

– Правильно! Ну кто сухое вино закусывает? Что мы, варвары, что ли? И не надо ананасов в мороженое! Вычеркните. Вообще нет, впишите обратно.

Официантка все это выслушала с чуть отвисшей челю-

стью, аккуратно записала в блокнотик и с явным вздохом облегчения поспешила дальше. Заносчивый вид с нее как ветром сдуло.

– Безнаказанность... – вдруг очень серьезно сказал Са-ша. – Вот я сейчас над милой девушкой буквально поиздевался. А почему? Потому что никто не выйдет из подсобки и не набьет мне морду.

– Ну, эту девушку можно назвать какой угодно, только не милой.

– Какая разница! Я говорю о принципе. Все корни зла растут из безнаказанности. Знаешь, почему я так окрысился на тех гопников, что тебя оплевали?

– Меня пожалел?

– Да снился ты мне триста лет, – шутливо отмахнулся Фролов. – Они мне напомнили юсовцев.

– Тьфу на тебя! А они тут при чем? Ты как жидофоб уже, который везде ищет происки мирового сионизма. Самому не смешно?

– Ничуть! Ты лучше послушай. – Он закинул ногу на ногу и положил ладони на стол. – Давай поглядим на все это, став на сторону тех хулиганов, – предложил он. – Что они делали? Пили пиво, курили, слушали музыку. Им хорошо, им весело, но главное – их много. То есть за ними сила.

– Согласен, – кивнул следователь.

– А теперь поглядим, почему именно им хорошо. Они взяли у папы магнитофон, у мамы денег, а часть, я уверен, за-

брали у более слабого. На пиво и сигареты. Своего труда они в эту развлекуху, поверь мне, вложили минимум. То есть, сегодняшним комфортным состоянием они обязаны опять-таки силе. Но, как говорил старик Эйнштейн, все на свете относительно. Смысл даже не в силе, а в наличии рядом более слабого и желательном отсутствии более сильного. Отними любой из этих двух факторов, и компания гопников не собралась бы.

– Почему? – удивленно поднял брови Владислав Петрович.

– Поясняю, – Саша несильно стукнул ладонью по столу. – Если убираем более слабого, то где взять денег и магнитофон?

– По-твоему, отец этого Форсы слабее его самого?

– Конечно! Не физически, так морально. Если дал магнитофон, значит, не нашел сил отказать или не посчитал нужным, а вполне возможно, что он вообще на работе и о пропаже не знает, тогда он не в силах защитить собственное имущество. Пойдет?

– Пока да. Философ... Давай, развивай.

– Агась... Значит, если убрать слабого, сегодняшняя гулянка отменилась бы. Теперь попробуем вставить в уравнение фактор наличия более сильного. Тогда у них кто-то просто отобрал бы и магнитофон, и деньги. Теоретически, понимаешь?

– Конечно.

– Вот мы и получили «золотую формулу» агрессивности – агрессивность существует при наличии структуры, у которой можно забрать, и отсутствии структуры, которая может забрать у тебя. Или уничтожить тебя самого.

– Твоя формула не учитывает внутреннюю дисциплину и внутреннюю культуру поведения, – покачал головой Владислав Петрович. – Я не стану ничего забирать у того, кто слабей меня, даже если никакое наказание мне не грозит.

– Ха! Так это самое главное! Хорошо, что ты заметил. К этому мы еще обязательно вернемся. Теперь давай поглядим на США, как они возникли и к чему пришли. Представь себе уже вполне сформировавшийся отброс общества. Эдакого усредненно-карикатурного туповатого троечника-десятиклассника. В существующем обществе ему место отведено весьма незавидное, поэтому он садится на корабль и... И вдруг попадает в чудное место, где всего вдоволь – пива вдоволь, девок, жратвы. Надо только отобрать все это у детей детсадовского возраста. Наивных и слабых. Именно такими были индейцы для технически оснащенных и пофигически настроенных переселенцев из Англии. Не англичан, попросу заметить, а людей, оставивших свою родину в поисках тех радостей жизни, которые им не добыть дома ввиду собственной убогости или лени. – Саша, довольный проведенной аналогией, откинулся на спинку стула. – Как ты думаешь, – хитро спросил он, – что будет делать наш троечник? Ведь никакой силы, способной диктовать ему какие-либо условия, в

данном месте не существует.

– Это зависит от его моральных качеств, – упрямо повторил Владислав Петрович. – Один станет забирать добро у детей, другой примется с ними торговать тем, что привез, распашет землю...

– Стоп! – снова поднял ладонь Саша. – Давай возьмем идеальный вариант. Первым приехал самый расчудесный из троечников. Добрый, честный, трудолюбивый. Таких не бывает, конечно, но я специально взял такого, чтоб у тебя не было никаких сомнений. Он приехал, никого не обижает и даже встает на защиту несчастных индейцев, когда его же соотечественники, но уже не такие морально устойчивые, начинают бить коренное население. Победит, естественно, та мораль, которая окажется в большинстве, плюс та, которая поведет себя более активно. И поскольку у троечников – недоучек, отщепенцев и лентяев – чаще встречается именно безнравственная мораль, нам становится понятно, что индейцы обречены. Их выбивают дружными залпами из винчестеров и кольтов, после чего без всякого труда, не считая пролитой крови, подгребают под себя все богатство.

– Ну и что? – пожал плечами следователь. – Так поступали и европейские государства в Африке, в Индии, в Южной Америке.

– Э-э-э-э... Постой. Разница есть, и ты ее сейчас быстро уловишь. Некоторое время Америка была вполне нормальной страной. Ну и что, если все ее население составляли те,

кто не устроился в Европе? Как и в любой стране, в Америке были хорошие и плохие, честные и гады, богатые и бедные. Но время шло, богатые обирали и убивали бедных, оставшиеся бедные постепенно богатели. Вот в этом и разница, дорогой мой Владислав Петрович, что на том проклятом континенте всего было вдосталь. Золота, алмазов, нефти, урана, свободного места и чистой воды. Хватило на всех, еще даже осталось.

Молча подошла официантка, и на стол встали две вазочки мороженого, чашка кофе и толстопузый бокал с вином. Бокал и впрямь был запотевшим, а от кофе шел вполне соответствующий цене аромат. Фролов пригубил вино и налег на мороженое, выуживая ложкой крупные ломтики клубники, ананаса и киви.

– И вот, – пережевывая, продолжил он, – через двести лет мы получаем здоровенную банду гопников, задарма набравших пива, девок, магнитофонов и прочего. Все они сидят на одной огромной лавочке, называемой Североамериканским континентом, и... Что они делают?

– Отдыхают, – отпил кофе Владислав Петрович.

– Правильно! – снова приложившись к бокалу, ответил Саша. – Кто-то там на Диком Западе продолжает пахать на фермах, но подавляющее большинство просто отдыхает. Имитируя, по большому счету, кипучую деятельность по перекладыванию денег из одного мешка в другой. Это у них называется бизнесом. Они достигли практически всеобщей

го достатка и комфортного состояния, эйфории от прошлых побед и безоблачного будущего впереди. Того самого состояния, которое испытывают гопники, пьющие пиво на лавочке. Я утрирую, конечно, потому что и в Америке ходят на работу, даже занимаются каким-то производством. Но суть от этого не меняется. Главное то, что это производство служит всего двум целям. Либо поддержанию комфортности самой банды гопников, то есть производится пиво, сигареты, кока-кола, бездумное кино, порнография, отупляющее телевидение с бесконечными викторинами и рекламой. Либо производится оружие, которое позволяет, не затрачивая своего труда, отбирать ценности у более слабых.

– Перегнул! – пробуя мороженое, покачал головой следователь. – Как ни выеживайся, а есть у них и своя культура.

– Конечно! – усмехнулся Фролов, усердно наворачивая мороженое. – Культура у всех есть, даже у гопников. Граффити на стенах, отпадный музон, психоделическое искусство, в основе которого лежит наркотический кайф, эротическая и приключенческая литература, даже наука, помогающая доказать самим себе, что они, гопники, самые лучшие и крутые, что только такой способ существования достоин человеческого существа. Это все просто необходимо для ощущения комфортности.

Он понюхал вино и снова отпил из бокала.

– А теперь мы вернемся к комфортному состоянию на лавочке, – тихо сказал он, но от его тона следователю сделалось

не по себе. – Что приходит вслед за комфортным состоянием?

– Скука.

– Ага! Она самая. Каждому отдельному американцу еще есть к чему стремиться, как правило, к зарабатыванию своего миллиона, но самой Америке двигаться уже некуда. Им никто не мешал, они не воевали, экономику за чужой счет удалось развить выше крыши, пива, кино, музыки и телевизора сколько угодно. А поскольку они так и остались теми троечниками, какими приехали из Европы, то на большее фантазии не хватает. И что может делать гопник, когда ему комфортно и скучно?

– Кидаться яйцами и плевать в прохожих, – учитывая сегодняшний опыт, кивнул Владислав Петрович.

– А если не дают?

– Кто же им может не дать?

– Ха! – Фролов довольно улыбнулся. – Ну, например, байкеры. Или рабочие с соседнего завода. Объединились и не дают им плевать. Нельзя, говорят, будем бить. Какая в среде гопников должна развиться пропагандистская идея, способная свести на нет все запреты и заодно привлекающая в их ряды новых членов?

– Свобода, – чуть слышно сказал следователь.

Он вдруг с оглушающей ясностью понял, что Саша прав, что все факты на стороне его безумной теории. Государство-хулиган... Огромная банда разнузданных гопников, во-

оруженная ядерными ракетами и высотной авиацией.

Ему стало страшно.

– Что, испугался? – глядя ему в глаза, спросил Фролов. – Страшно... А я вот так же трясусь уже много лет, со времени зверского избиения Югославии. Именно так гопники избивают в подъезде не подчинившегося им сверстника. Ни для чего. Просто для демонстрации силы, для того, чтоб другие увидели, как они круты. Это было не что иное, как акт международного хулиганства. Причем с тяжелыми последствиями. Веришь?

– Трудно спорить. Или ты подтасовываешь факты, или оно так и есть, – согласился Владислав Петрович.

– Во-о-о-о-о... Начинает доходить. И их липовая Свобода – лишь пропагандистский инструмент, позволяющий творить все, что угодно. Но для того, чтоб этот инструмент работал, его надо внедрить везде. Чем они и занимаются! Им нужно заразить этой Свободой – читай – безнаказанностью и безответственностью – весь мир, и тогда никто не сможет сказать «низзя». Никто и не скажет, ведь Свобода превыше всего...

В бокале почти не осталось вина, и Саша осушил его одним глотком.

– Я даже могу рассказать, как именно они это заражение производят. Сидел, изучал...

– Погоди. Надо все же в ЭКО заскочить. По дороге расскажешь. Мне честно интересно.

– Да я уже вижу.

– Дайте счет, пожалуйста! – подозвал официантку следователь.

– Двенадцать гривен, – никуда не заглядывая, сказала она.

Владислав Петрович расплатился, и они пошли вдоль набережной к рынку, за которым высилось здание полка патрульно-постовой службы. Там, на четвертом этаже, располагался экспертно-криминалистический отдел. Сокращенно – ЭКО.

Вариация 6

14 ИЮНЯ. ЭКСПЕРТНЫЙ ОТДЕЛ

Они решили не толкаться через рынок и обошли его по грязному боковому переулку. Вдоль тротуара валялись обломки ящичков, капустные листья и клочья газеты, над мутными лужами с монотонным гудением роились мухи, поджарые собаки выискивали что-то в смятых картонных коробках. Тяжело урча, мимо проехал грузовик, оставляя за собой клубы угарного черного дыма.

– Ты понял? – не унимался Саша, развивая тему о распространении американской свободы. – Сначала выкидывают на мировой рынок приятное и более или менее привычное. Например, газированный напиток, объявив его символом Америки. Вкусно, приятно. Ассоциативная цепочка увязывается легко: Америка – равно получение удовольствия. Потом идет свобода получения денег, разные викторины и конкурсы. Тут уже не только подкрепляется увязанная цепочка ассоциаций, но и внедряется новое понятие – беззаботность. Оказывается, деньги совсем не обязательно зарабатывать. Их можно беззаботно и весело выиграть в телеигре. Потом свобода секса. Она воспитывает не только беззаботность, но и безответственность. Зачем вступать в брак? И так можно

натрахаться, как водяная крыса. Никакой ответственности. Правда, им тут немного спутал карты СПИД, но они его объявили не таким уж и страшным. Одел презерватив и вместе с ним можешь выбросить любую ответственность. Любую! Это все происходит на уровне подсознания. Америка – хорошо, Америка – приятно, никаких забот, сладкая жизнь, безответственность. Под такую музыку можно было просто проводить испытание атомных бомб на городах с живыми людьми, чтоб не просто испытать, а показать, что Америку ничего не остановит.

Но все-таки остановили. Пока был Советский Союз, они не сильно рыпались. Плевались, как сегодня в парке, гадили в умывальники, пытались свращать молодежь. Осилили. Через молодежь, через свободолобивых безответственных политиков, через всяческие фонды и премии. Теперь можно попробовать снова. Я сам не понимаю, как в Югославии обошлось без водородной бомбы. Видимо, их позиции в Европе еще не так сильны, боялись, что возникнет другая ассоциативная цепочка: Америка – равно беспредел. Отчасти она возникла, но они ее быстро затопчут новыми подачками. А может, они вспомнили, что у России тоже есть водородная бомба. Они не могут стать полноценными международными хулиганами, пока есть кто-то равный им по силам, кто еще не полностью стоит на их стороне, не каждую секунду лижет им пятки. Россия лижет, но очень осмотрительно и весьма эпизодически. А вот у Европы уже мозоль на языке.

Они подошли к зданию полка, у дверей которого с десятков бойцов ОМОНа в полной экипировке вяло щурились от солнца, посасывая дешевые сигаретки. Фролов вошел в дверь и нажал кнопку звонка на решетке.

– Юсовцы плюнули в Россию бомбардировкой Югославии и поняли, что мы пока еще отвечаем на плевки, в отличие от прирученной ими ООН и прочих международных структур. Подождут, потерпят. Если мы и дальше будем ушами хлопать, то они и нас укатают изнутри, как сделали это с Европой. Но знаешь, очень многим это по-настоящему понравится. Пришел с работы, взял пивка, зажрал его «Диролом», вперился в телик, потрахался... Ни забот, ни хлопот... Никаких усилий! Ни умственных, ни моральных, а физические по большей части в тренажерных залах. Вот только мало кто задумывается, что среднестатистический американец отупел настолько, что не назовет европейские страны, кроме Англии, Франции и Германии, что литература в упадке с пятидесятых годов, кинематограф превратился в штамповку, без автомобиля они не смогут пройти и двадцати километров, а без компьютера поделить трехзначное число на двузначное. Казалось бы, ну и что? На фига нам все это, если пиво есть? Вроде бы да... Но что они будут делать, когда ресурсов все же не хватит на всех? Они же без всей этой техники гадить под себя начнут! Передохнут! Пойдем следом за ними? К светлomu, блин, будущему... И так Америка уже держится на импортных умах из России и Европы, а дальше это будет

все сильнее заметно.

Дежурный по полку подошел к решетке, посмотрел документы следователя, вернулся и нажал кнопку, отпирающую замок.

– Ну и оставь их в покое! – улыбнулся Владислав Петрович. – Чего тужишься, если они и так передохнут?

– Дело в том, – презрительно скривился Саша, – что чем больше стран они под себя подомнут, тем дольше протянут на готовеньком. Пока им сопротивляется бывший Союз и весь исламский мир, но надолго ли нас хватит? За мусульман я спокоен, на них у юсовцев кишка тонка, а вот мы потихоньку сдаем позиции, принимаем правила навязанной игры, пытаемся влезть в рамки навязанного мерила «цивилизованности» и именно этим послушно влезаем в сети, расставленные более полувека назад. Это именно то, что я тебе говорил о рекламе. Помнишь? Мы видим, что Америка сильна, и хотим стать такими же. Это естественно! Поэтому делаем то же, что и они. Ошибка! Их благополучие ничем не связано с их образом жизни, с их ценностями. Оно основано только на разграблении богатейшего континента, очищенного от коренного населения. Как раз именно это изначально завоеванное благополучие позволяет им вести такой образ жизни, понимаешь? Если бы Россия взялась и покорила всю Азию, то мы бы тоже зажили припеваючи! Но за последние полвека именно юсовцы так яростно выступают против захватнических войн. Это нецивилизованно! Ага... Пока шла

вторая чеченская война, они визжали как резаные, что мы, мол, устраиваем этнические чистки. На себя бы поглядели, уроды...

– Ты предлагаешь вести захватнические войны?

– Куда мне... – отмахнулся Саша. – Но, надев джинсы, упершись в телик и посасывая кока-колу, до экономического уровня Америки не поднимешься.

Они поднялись по влажной, только что вымытой лестнице на четвертый этаж, и Владислав Петрович прошел в одну из настежь распахнутых кабинетных дверей. А Фролов привычно остался в просторном вестибюле, уставленном стеклянными стендами.

Чего только не было на этой «выставке для служебного пользования»! Всевозможное огнестрельное оружие, от самодельного до иностранного, фомки, пилки, кусачки, какие-то тряпки, гипсовые слепки автомобильных протекторов и образцы отпечатков пальцев. Рядом красовалась коллекция поддельных документов и целый арсенал холодного оружия – от дубинок, сделанных из обрезка телефонного кабеля, до сверкающих финок и армейских штыков всех времен и народов.

Саша видел все это бесчисленное количество раз, но все равно засмотрелся. Было что-то завораживающее в предметах, хранивших на себе отпечаток преступных мыслей, хитрых замыслов и печальных судеб. За каждым экспонатом таилась своя история. Даже две. Одна рассказывала о преступ-

нике, а другая о людях, поймавших его. Фролов никогда не мог для себя уяснить, какая из историй его волнует больше. Наверное, все же первая... Идти по чужим следам не так интересно, как пробивать дорогу самому, запутывать следы и состязаться мозгами с активно работающим правоохранительным аппаратом.

Но в то же время такая дорога всегда пропитана чужими слезами и кровью... Наверное, именно поэтому Саша уверенно встал по эту сторону баррикад, даже когда уволился из СОБРа.

Он давно уже вывел для себя единую формулу Добра и Зла, и теперь любое решение требовало куда меньше моральных усилий, потому что он всегда был уверен в правильности выбора. Раньше было намного хуже. Выполняя приказ, он никогда не знал точно, имеет ли моральное право нажать на спуск.

– Эй, Саня! – крикнул из кабинета Владислав Петрович. – Ходи сюда! Ты вроде хотел пулю поглядеть?

Саша прошел по коридору и заглянул в кабинет. Следовательно, облокотившись о подоконник, разглядывал пулю сквозь целлофан пакетика, а молодой лейтенант Сережа в три погибели скрючился над микроскопом за единственным в кабинете столом.

– На... Погляди. – Владислав Петрович положил на стол поверх папки свои массивные очки и протянул Фролову покоренный кусок омедненного свинца со стальным сердеч-

ником. – Сережа, что у тебя с отпечатками?

– Ой, Владислав Петрович, на той крышке их больше десятка разных. Кто ее только не лапал! Картотечных точно нет, уже проверили, а для указанной вами сверки у нас нет пока материала. Надо дактилоскопировать указанных лиц.

– Мне, что ли, с чернильной подушечкой по домам бегать? – скривился следователь. – Ваша работа, вы и займитесь. Когда будет готово?

– Ну... Завтра вечером, если срочно.

– Вы, лейтенант, кажется, не совсем понимаете важность данного дела, – ровным, но явно угрожающим тоном произнес Владислав Петрович. – Дед на утренней летучке поставил его в первую голову, а мне, извините, надо ежедневно отчитываться. Наравне со следователем прокуратуры и с комиссией из областного Управления. И я с вас спущу столько шкур, сколько потребуется, если будете тянуть кота за хвост. Доступно?

– Так точно, товарищ майор, – вздохнул Сергей. – Завтра к вечеру все будет сделано.

– Вот и славно. Саша, что там с пулей?

– Так сразу могу сказать только то, что патрон обычный, стандартный. У «Рыси» пуля другая, специально сделанная, хитро сбалансированная и покрытая тефлоном. А это обычная болванка от КПВТ. Но ничто не мешает выстрелить из «Рыси» даже такой пулей, просто нужно побольше умения, чтоб залепить ею в башку с трех километров. Вес не тот, пре-

цессия опять-таки чудовищная... Не знаю. Хороший стрелок.

– Как ты? – Владислав Петрович оторвал взгляд от паке- тика.

– Лучше, – честно признался Саша. – Я уже совсем не тот. Жизнь укатывает помаленьку. Палец отвык, мышечные навыки утерялись, да и тремор... Видал какой?

Он вытянул вперед руку, показывая, как она дрожит, но Сергей только усмехнулся, оторвавшись от микроскопа:

– Что-то не вижу я никакого дрожания. Ваше алиби, су- дарь, не прокатывает.

– Иди ты, – хмуро отмахнулся Фролов.

– Оскорбление работника милиции при исполнении слу- жебных обязанностей... – шутливо процитировал лейте- нант.

– Если будешь трендеть, – фыркнул Саша, – то я еще и ад- рес назову, куда именно тебе надо сходить. Адрес длинный, так что возьми на чем записать. – Сергей рассмеялся и снова уткнулся в микроскоп. По коридору лениво расплылось кур- лыканье телефонного звонка, кто-то в другом кабинете снял трубку – слов не разобрать, лишь невнятное бормотание.

– Эй, молодой! – крикнули оттуда, и Сергей недовольно поднял голову. – Дежурный следователь у тебя?

– Ну!

– А гражданский?

– Пулю рассматривает. А что?

Глухо брякнула уложенная на рычаг трубка.

– Ничего. Дежурный из управы звонил, спрашивал, добрались или нет.

Сергей пожал плечами и вернулся к работе, но Фролов отреагировал на этот звонок как-то странно. Напрягся весь, словно прыгать собрался, глаза стали холодными, злыми, сощурились, будто смотрели в прицел. Он положил пакетик с пулей на стол и потер ладони.

– Ты чего? – шутливо спросил следователь.

– Хрен его знает... – тихо ответил Саша, напряженно прислушиваясь к происходящему в коридоре. – Пойду покурю.

– Ты же бросил.

Но Фролов не ответил, расслабленно вышел из кабинета, только шлепанцы лениво пошлепывали, отбивая каждый шаг нарочито расхлябанной походки. Владислав Петрович подумывал было пойти следом, но внезапно из коридора раздался истерический крик:

– Стоять! Руки на стену!

Удар, грохот упавшего тела. Лязг взводимых автоматных затворов.

Когда следователь выскочил из кабинета, все уже было кончено. Саша стоял, упершись лбом в стену, руки за голову, ноги широко расставлены, а пятеро милиционеров при полной экипировке наставили на него короткие стволы автоматов. Шестой тюфяком лежал на полу, даже не двигался.

– Дернешься – выпущу кишки, урод... – грозно рявкнул

молодой сержант ОМОНа, осторожно подходя к Фролову с наручниками.

Он размашисто, с удовольствием шарахнул Сашу стальным прикладом по почкам, потом, осмелев, добавил еще пару раз:

– Козел...

Сержант неумело сковал руки задержанного наручниками и лишь потом присел над поверженным товарищем, положив ему ладонь на сонную артерию.

– Давайте врача! – коротко рявкнул он и, подскочив, саданул Фролова носком ботинка в лодыжку.

Тот не удержался и грохнулся на колени, не издав ни звука.

– Что случилось?! – ошарашенно спросил следователь.

– Задержали преступника по указанию дежурного по полку, – ехидно скривился сержант.

– Какого преступника? Они что там, сдурели совсем? Это оружейный эксперт Управления!

– Нам сказали, мы работаем, – отмахнулся омоновец. – А в своих юридических тонкостях разбирайтесь сами. Пойдем, козлина поганая! Драться он удумал... Я тебе за Витька голову еще снесу... Сейчас руки марасть неохота, а вечером зайду в райотдел, побеседуем малехо.

Он схватил Фролова за наручники и, немилосердно выворачивая руки, потащил к лестнице. Лежавший на полу Витек начал понемногу очухиваться, даже попробовал застонать,

хрипя поврежденным горлом.

– «Скорая» уже едет! – крикнул снизу дежурный. – Давайте задержанного в машину!

Владислав Петрович, совершенно обалдев от случившегося, как сквозь туман глядел на суетящихся милиционеров, выносивших поверженного товарища. Весь ЭКО вывалил в коридор, но следователь никого не хотел замечать, он резко и порывисто вбежал в кабинет и сдернул телефонную трубку.

– Сафронов на линии! Дайте зама по оперативной. Я знаю, что он на совещании! Скажите, что в утреннем деле сложилась чрезвычайная ситуация. Что? Ладно, я сейчас подскочу.

Он бросил трубку и, скинув маску солидности, пробежал по коридору к лестнице, на которой виднелись капельки свежей крови.

Спустившись, он зло глянул на дежурного.

– Есть машина до управы? – не скрывая чувств, спросил он.

– Только отъехала, – ледяным тоном ответил дежурный.

– Черт...

Владислав Петрович отомкнул лязгнувшую решетку и скорым шагом направился мимо рынка. Мысли так и метались, не находя ответа на заданные сегодняшним днем вопросы. Личное указание зама по оперативной... Дурь какая-то. Ошибка! Или... Неужели действительно Саша замешан в этом деле? Неужели именно он... Нет! При всей его напускной ненависти не похож он на ночного стрелка. Слиш-

ком рассудителен, слишком опытен... Или областная комиссия что-то на него раскопала? Конечно... Бывший снайпер, вовремя подвернулся под руку. Вот беда... Доказывай теперь, что ты не верблюд! Интересно, есть ли у него алиби?

Народу на троллейбусной остановке собралось столько, что яблоку негде упасть – мужчины, женщины, бабки с котомками и сумками на колесиках. Троллейбус был и вовсе забит, словно банка с селедкой, а знойный тягучий воздух остро пах сотней тел, ну точно как застоялый рассол.

Не обращая внимания на протестующие возгласы, следователь пробил себе дорогу локтями и втиснулся в уже закрывающуюся, шипящую, как пробитая шина, дверь. На него навалились, поручень больно врезался в непривычное к таким упражнениям тело, пот сразу потек по лицу неприятными струйками. Троллейбус дернулся и, надрывно гудя, тронулся с места, а ворвавшийся через открытый люк ветер приятно забежал за воротник взмокшей рубашки.

Владислав Петрович не был склонен к поэтическим сравнениям, но в метавшемся уме мелькнула вполне оформившаяся мысль, что троллейбус разгоняется в неизвестность. Привычный мир вздрагивал и покачивался, словно грозя опрокинуться вверх тормашками, и это ощущалось почти физически, до легкой тошноты, но свежий ветер обдувал лицо, разгонял потную духоту, намекая, что не все перемены к худшему.

Вариация 7

14 ИЮНЯ. ЕЩЕ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ

«Уазик» несся по улице, тревожно подвывая сиреной, водитель не сильно церемонился на поворотах, и Фролов, не имея возможности ухватиться хоть за что-то скованными сзади руками, летал от одного борта «обезьянника» до другого. Пара шишек уже обеспечена, хоть бы лицо не разбить... Туго застегнутые наручники ножами врезались в запястья, кисти уже начинали неметь, лишённые притока горячей крови.

На райотделовской стоянке водитель затормозил так, что Саша всем телом ухнул в железную стенку с решеткой, разнеся щеку двумя рваными ссадинами. Ну вот... Теперь за лицо можно не беспокоиться.

Щелкнул дверной замок, и его вытянули спиной вперед, волоча, как мешок, по нагревшемуся асфальту. Шлёпки остались в машине, и выскочивший водитель брезгливо зашвырнул их подальше в кусты. Штанам тоже досталось, видимо, изготовитель не рассчитывал, что ими будут елозить по дороге и бетонным бордюрам.

Двое здоровенных хлопцев в брониках и пятнистой омовской форме тащили Сашу легко, играючи, не забывая пинать при каждом удобном случае, чтоб не расслаблялся. Бордин, ступеньки, порог... Пальцы на босых ногах жгло, будто адовым пламенем, ногти больно корябали по асфальту, поэтому гладкий линолеум вестибюля показался наградой за все пережитые в жизни страдания.

Дежурный отпер дверь в коридор с камерами, деловито отомкнул наручники и, пробежав руками по двум куцым карманам спортивных штанов, вытянул проездной, перочинный ножик и пару мелких банкнотов.

– В пятую камеру, – коротко кивнул он немолодому уже помощнику.

Тяжело лязгнул тяжелый железный засов, и Фролова впихнули в затхлую камеру, грохнув позади окованной дверью. Снова лязг засова и удаляющиеся к дежурке шаги.

Хорошо работают... Быстро и эффективно. Еще бы чуток помягче, но это мы уже привередничаем.

Саша облокотился о стену, не глядя на заинтересованно поднявшегося сокамерника, и блаженно растер промятые запястья. Как мало надо человеку для счастья, однако! Снятые наручники, горстка плесневелых сухарей после трехдневной голодовки...

– Чего вылупился? – прикрыв глаза, спросил он у стоящего над ним верзилы, похожего на масштабную уменьшенную модель Кинг-Конга. Явно действующую. Правда, Кинг-Конг

никогда не носил белую майку с черной надписью «Yes!» на отвисшем брюхе, коричневые шорты и кроссовки без шнурков. Ума у гигантской обезьянки, видать, тоже было побольше, потому как сокамерник на вопрос отреагировал вяло, продолжая рассматривать Фролова, словно тот был выброшенным на берег дельфином.

– Сигареты есть? – басовито спросил верзила.

– Ага... Полный мешок. – съязвил Саша. – Где я их должен был спрятать, по-твоему?

– Ну...

– Баранки гну. Отвали! Видишь, человек не в настроении.

До верзилы доходило явно с какой-то задержкой, он протянул волосатую руку, намериваясь ухватить новичка за футболку, но тут же вскрикнул, словно коснувшись раскаленного утюга. Фролов коротко ударил открытой ладонью в вытянутые волосатые пальцы, да так, что у сокамерника хрустнуло аж до локтя. Тот взвыл, ухватился за руку и сел в самом дальнем углу, согнувшись от боли почти пополам.

– Убью гада... – прошипел он.

– Ага... – Саша сощурился, как мартовский кот на солнце. – Только к нотариусу сначала сходи, а то так и сдохнешь, завещание не составив. Кому же тогда достанутся твои прекрасные штанишки?

Верзила умолк, только цыкал и постанывал, оглядывая опухшую руку.

Фролов потянулся, осмотрел разбитые ноги и отер ссади-

ны наслюнявленной рукой. Сойдет. Хотя воняет тут гадостно, наверняка и злые бактерии водятся. Но мы им не дадимся так просто, мы их забьем до смерти могучим иммунитетом.

На противоположной стене проглядывалась заботливо выцарапанная надпись: «Генерал Дед ублюдок». Дальше другим почерком добавлено: «Падла», а еще чуть правее печатными буквами: «Петух». Саша усмехнулся, сорвал с кармана застёжку «молнии» и доцарапал через запятую короткое слово: «Урод». Получилось хорошо, выразительно.

Свет от лампочки в коридоре пробивался в камеру через большое окошко из толстого стекла, устроенного в двери. Другого освещения не было, но было почти светло, зато духота стояла просто чудовищная, смешанная с ни с чем не сравнимым запахом сырого застенка. Саша постарался расслабить все мышцы, он знал, что жара, проникнув в тело, очень скоро станет привычной, почти незаметной. С холодом бороться куда труднее.

«Все же интересно, за что меня загребли?» Конечно, особой разницы нет, от ответа на этот вопрос клетка хормонами не станет, но любопытство, видимо, является глубинным качеством людской природы. И хоть никакой вины за собой Фролов не чувствовал, но призадуматься было над чем. Хотя бы об омовце Вите, которого сейчас, скорее всего, откачивают в реанимации. Травма кадыка – дело нешуточное.

Ох, не нужно было этого. Совсем ни к чему. Все равно ведь сдался...

В душе шевельнулось что-то, похожее на угрызения совести, когда представилась милая девушка с пушистой крашеной челкой, плачущая над кроватью поверженного милиционера. «Да... Худо. У него ведь и мама есть. Проклянет еще, буду потом в гробу переворачиваться».

Что бы там ни было, а Саша почувствовал вполне оформившуюся жалость к этому мальчику, наверняка пришедшему в ОМОН за мужской работой и своей собственной каплей славы. Мало ведь кто приходит в милицию, чтоб стать «ментом поганым». Это наступает чуть позже... Вместе с иллюзией вседозволенности, с рутинной, с озлобленностью на всеобщее непонимание, с чувством того, что ты стоишь выше Добра и Зла, что ты, собственно, и есть Зло, необходимое для расчистки дороги Добру. Ты начинаешь делать себе поблажки, начинаешь придумывать оправдания действиям, которые вынужден делать по долгу службы. А то и просто можешь делать, пользуясь зыбким призраком «служебного положения».

«Оправдания очень просты и у всех одинаковы... Интуитивно понятны, как принято говорить. Мы рискуем жизнью за вас, народ, значит, вы, народ, должны относиться к нам с пониманием. У нас такая работа. Мы не можем относиться ко всем людям без подозрения, потому что каждый день видим, какие ублюдки, подонки и звери бывают среди вас, людей. Поэтому извините нас за суровость. Иногда за жестокость. Эта злость необходима нам для работы, иначе мы

скиснем и не сможем вас защищать. Простите нас за ошибочные задержания, за удары дубинок, когда в этом нет особой необходимости. Ведь правосудие очень несовершенно, и в этом нет нашей вины, но мы каждый день ведем борьбу с мразью, на наших шкурах есть отметины ее грязных зубов. И мы не можем проявлять милосердие при задержании, потому что, скорее всего, его проявит суд, назначив слишком мягкую меру наказания. Так пусть лучше преступник получит наказание сразу, на месте, пусть из него вылетит спесь и наглость, с которой он совершал преступление. Простите нас лишь за то, что в пылу боя не всегда есть возможность отличить преступника от его жертвы, что не можем мы сразу определить и меру вины виноватого, поэтому рубим сплеча, так, чтоб сразу искры из глаз. Нас за это наказывают, увольняют, даже сажают, но мы не можем иначе. У нас такая работа. И если хоть один раз мы проявим милосердие и не перешарим карманы задержанного, то этот раз может обернуться пулями в наших сердцах.

Мы несем непомерные моральные нагрузки, мы несем бремя ответственности и опасности, но нам платят мизерную зарплату. Мы можем и должны исполнять свой долг, не делая никаких поблажек, и мы будем это делать, если вы, люди, этого хотите. Но почему вы не хотите этого? Почему?! Почему вы кричите о коррупции, а сами даете червонец инспектору, когда проехали на красный сигнал светофора? И если он не возьмет этот драный червонец, а составит на

вас протокол, то вы назовете его гадом и поганым ментом. Но если возьмет, то вы на весь гаражный кооператив кричите, что вас обобрали. Так что нам, вообще вас не останавливать? Ведь у нас такая работа! Сколько копий сломано вокруг коррупции... Но еще больше пролито слез провинившихся граждан с мольбами взять взятку, но не доводить дело до законного наказания».

Фролов усмехнулся. До чего же логично и правильно все звучит. Плакать хочется...

«Но во всей этой логике почему-то отсутствует один никому не заметный момент – вас, уважаемые, никто на эту работу не гнал. Сами пришли, кто за чем. И вы действительно должны делать ее, четко и до последней буквы правильно, а вот уже после этого извиняться за то, что из-за мягкости закона, а не вашей личной, преступник ушел от наказания. Или убил вас самих. Такое бывает нередко, но вас никто на эту работу не гнал. Только тогда вы можете с гордо поднятой головой сказать: „Мы сделали все, что могли, все то, что позволил нам закон, и не наша в том вина, что он слишком мягок“. Тогда не придется извиняться. Сделав все до последней буквы правильно, вы сможете, не опуская глаз, сказать: „Мы сделали все по закону. И не наша в том вина, что он слишком суров. Не преступайте его“. И вы будете правы. От начала и до конца.

И тогда вы будете получать пули в сердце, финки в бок и нищенскую зарплату в карман дешевых штанов, но у вас

появится то, что ныне есть у очень немногих. Честь.

Маленькое, почти забытое слово, не стоящее ни копейки и стоящее так дорого. Емкое слово, собравшее в себе честность, чистую совесть и обиденное чувство выполненного долга, с которым каждый вечер ложишься спать.

Слава.

Стоящая порою так дорого, но по большому счету не стоящая ничего.

Не за этим ли вы идете в милицию? Если за чем-то другим, то лучше не надо. Ни вам, ни нам. Ничего, кроме этих двух слов, вы на столь трудной работе не сможете получить в принципе, если сами не преступите закон. Но если вы заранее идете с мыслью брать взятки и пользоваться служебным положением не во имя закона, то... Будьте вы прокляты! Уж лучше идите на большую дорогу, грабьте и избивайте, но не позорьте имена тех, кто носил такую же форму с честью. И тогда вы будете называться положенным вам словом «преступники», и тогда я снова надену милицейскую форму и буду отстреливать вас, как бешеных собак.

И не надо ничего упрощать! Упрощение и есть истинный корень Зла. Да, трудно поступать по закону и помнить десятки инструкций. Трудно удержаться от соблазна улучшить статистику раскрываемости, навесив липу на подвернувшегося невиновного. Пусть он хоть сто раз закоренелый преступник, но «вывешивание всяков» – это упрощение собственной работы, а значит, Зло по сути своей. Трудно дока-

зять вину виноватого, но вам ПРИДЕТСЯ делать это, не фабрикуя улик. Иначе грош вам цена! Иначе Зло быстро и уверенно затянет вас в темные сети, как бы прочно ни стояли вы на стороне Света в начале пути. Вы даже не заметите этого, только в глазах бывших друзей прочтете презрение, только злорадство прочтете в глазах врагов».

Струйки пота вяло текли по щекам с начавшей пробиваться щетиной, Фролов почувствовал учащенный ритм сердца и чуть придержал бурлившие мысли. Он сам прошел через это, ощутил не только шкурой, но и самой душой. Граница между Добром и Злом пролегла через сердце, через разум, через воспоминания. Она подрагивала на подушечке указательного пальца, ждущего команды на спусковом крючке, она блесла в линзах прицела, нацеленного в живое. Только поступив до последней буквы правильно, Саша мог позволить себе нажать на спуск. И когда это «правильно» разошлось с его собственными представлениями о Добре и Зле, он без колебания попрощался со своей штатной СВДшкой и пошел к начальнику писать рапорт об увольнении.

И теперь, уже поступив так, он не находил оправдания этому несчастному Вите, сначала занесшему руку для удара, а потом выкрикнувшему формулу задержания. Омоновец упростил себе работу. Значит, совершил зло.

Саша прекрасно понимал, что не думал тогда ни о чем подобном, а нанес удар рефлекторно, в ответ на замах. Но в то же время он прекрасно знал и контролировал свои рефлек-

сы. Если бы Витя сначала крикнул: «Стоять, вы задержаны!», то потом мог бы вить из Фролова веревки. Но неожиданный замах вызвал в ответ неожиданный рефлекс – короткий рубящий удар в горло. Ничего, выживет – в последний момент разум успел придержать бьющую руку.

Определить время в четырех стенах, чуть тронутых желтым светом одинокой лампочки, было никак невозможно, поэтому Саша совсем потерялся в смеси из ленивого течения бесцветных часов и собственных бурных мыслей. Лишь когда кожа уловила чуть заметный спад духоты, он понял, что день близится к вечеру. Снаружи жара быстро сползала в море, но нагретые за день стены и просмоленная крыша еще долго удержат в камерах почти духовочную жару.

Есть не хотелось, но Фролов знал, что вместе со струями пота тело теряет огромные количества соли, которые можно восполнить только с едой, иначе нарушенный водно-солевой баланс крови быстро даст о себе знать тошнотой, вялостью и жуткой головной болью. В боевых условиях он принимал небольшую соляную таблетку, запивая ее полным стаканом теплой воды, после этого и жажда сводилась в ноль, и пот не мешал работать, и о тепловом ударе можно было не думать. Но тут соли не было, еду тоже никто предлагать не думал, поэтому в ушах уже начинало знакомо посвистывать, а рот обжигало сухостью жажды. Верзила в углу чувствовал себя явно не лучше, скорчился на полу, потел, как зеркало в бане, а пересохшие губы дергались, что-то нашептывая.

Ладно, не помрем... Ужин ведь должны принести! Главное, после еды не облиться, а то совсем худо будет.

В коридоре послышались чьи-то шаги, дважды звякнула массивная вязанка ключей.

– Фролов, встать, лицом к стене! – появилось в дверном окошке лицо помощника дежурного. – Живо!

Саша вяло поднялся, опираясь ладонями о шершавую стену, его лицо честно выражало внутреннее состояние как души, так и тела – губы скривились, глаза собрались в узкие щелочки, обозначив морщины, а щеки ввалились, отчего пробившаяся щетина выглядела особенно колоритно. Здоровенные ссадины и пунцовые шишки на лице тоже не красили, а если принять во внимание изодранные штаны, босые ноги и потянутую футболку, то впечатление получалось просто жуткое. Фролов попросту был похож на опустившегося алкоголика, пристававшего к прохожим, получившего за это по морде и банально забранного в милицию за непотребное поведение.

Маскировка – лучше не придумашь. Только к запаху пота надо добавить напористый алкогольный дух.

Снаружи лязгнул засов, и дверь со скрипом отворилась, впустив брезгливо скривившегося помощника.

– Назад не смотреть! – обыденно вымолвил он, сняв с пояса наручники и застегивая Саше руки за спиной.

Несмотря на неважное самочувствие, Фролов почувствовал к бывалому старшине вполне серьезное уважение. Вот

это и называется вести себя до последней буквы правильно. Знает ведь уже, кто такой Александр Фролов, знает, что могут его убить не только отвернувшись, но и вообще с закрытыми глазами. Но не мутузит дубинкой до помутнения мозгов, не пинает ногами, не дергает. Хотя и про Витю тоже знает наверняка.

Подавляющее большинство милиционеров, работающих на улицах, сочло бы его поведение глупым – как можно не заботиться о собственной безопасности? Многие сочтут его безнравственным, ведь этот гад задержанный посмел ударить верного боевого товарища. Но на самом деле этот человек действительно был на своем месте. Изо дня в день, без надежды на почести и понимание, за скудное жалование он возится со всякой мразью, просто выполняя то, что от него требуется. Это не признак ума, конечно, но не всем ведь звезды с небес хватать! Зато по отношению к этому маленькому сорокалетнему человечку, не дослужившемуся даже до офицерских погон, можно применить замечательное слово «честь». Оно позволяет ему спокойно спать, не прятать взгляда на улицах, здороваться с соседями, не опасаясь презрения, надевать на праздники парадную форму и гордиться ей по праву. А потом от души напиваться дешевой водкой вместе с горсткой таких же, как он.

Жаль только, что такие погибают первыми, приняв на себя удар несовершенных законов и глупых приказов, жаль, что другие, наворовав и заведя связи, не пьют дешевую вод-

ку, а жрут в те же самые праздники истекающий соком гриль, ездят на приличных машинах и водят девок в хорошие кабаки. Именно эти сытые, вздрагивая в оправданном страхе разоблачения, придумали расхожую ментовскую поговорочку: «Сегодня живу напротив тюрьмы, а завтра напротив своего дома». И пусть оно будет так, если существует хоть где-то какая-то высшая сила. Ведь всегда у всех есть выбор – упрощать или нет.

– Вперед, на выход! – взявшись за цепь наручников, командовал помощник дежурного.

Саша склонил голову и, морщась от боли в разбитых об асфальт ступнях, шагнул в коридор.

Они прошли до конца коридора, где напротив дежурки светился прямоугольник распахнутой двери в комнату для допросов. Это хорошо... Что-то куда-то движется, а это намного лучше, чем стоячее болото неопределенности.

Окон в комнате для допросов не было, только два прикрученных к полу стула в торцах длинного тяжелого стола да четыре лампы дневного света на потолке, одна из которых натужно гудела скрытым за ребристым пластиком нутром. Помощник дежурного усадил Сашу на стул и перестегнул наручники так, чтоб цепь проходила за крестообразной металлической спинкой. Теперь не вскочишь и ради спасения жизни... Старшина сунул ключ от наручников в карман и молча вышел, оставив задержанного рассматривать облупленные стены со следами плесени и наслоений селитры. Вен-

тиляция у них тут хреновая...

В коридоре мягко щелкнул электрический замок, отпирающий дверь дежурки, знакомый голос что-то наставительно буркнул, и тут же в комнату для допросов вошел Владислав Петрович – уставший, замученный, без очков и без папки, а рубашка расстегнута аж на две пуговицы.

– Ну что, зек... – с чуть заметной улыбкой вымолвил он, усаживаясь на свободный стул. – Попался?

– Во-во, – сморщил нос Саша. – По самые уши, Нос, блин, чешется, спасу нет. Почеши, а?

– Иди ты... – уже смелее улыбнулся следователь. – Я смотрю, тебя не сильно тут укатало, если не считать чуть помятого вида.

– Бывало и хуже, – пожал плечами Фролов. – За что хоть меня загребли? Выяснил?

– У меня, Саша, работа такая – выяснять-вынюхивать... Вообще-то, из-за ерунды ты влип, скажу честно, и если бы...

– Короче, – насупился Саша.

– А, ну да. Магнитофон Форсы помнишь, который ты в сквере разбил?

– Ну.

– А как зовут в миру этого Форсу не знаешь небось?

– Оно мне надо?

– Сейчас да. Потому что молодой человек по кличке Форса, несовершеннолетний, ученик девятого класса третьей школы, носит, согласно свидетельству о рождении, гордое

имя Константин Дед.

– Что?!

– Что слышал. Это родной и горячо любимый племянник нашего генерала. Сын его младшего брата. Каково?

– Лихо, – невесело вздохнул Фролов. – Теперь я верю, что тот магнитофон стоил сто баксов.

– Тебе от этого легче?

– Не очень-то...

– Вот и я о том. В принципе, твое задержание было формальностью. Просто Дед распсиховался, что ты его племяша уделал, и приказал задержать как можно более жестко, до выяснения обстоятельств. Ничего незаконного он не сделал. Ну... На грани, можно сказать. В принципе, тебя нужно было вызвать повесткой, но тут дело семейное, сам понимаешь. Все повреждения, которые ты нанес, уже квалифицированы как тяжкие и средней тяжести, но все три объяснения свидетелей и мой рапорт в твою пользу. Я из природной честности об этом не упоминал, но все свидетели, словно сговорившись, написали, что ты сделал замечание подросткам и те на тебя напали. Выходит, самооборона. Причем от группового нападения. Так что ни один суд не сможет наложить на тебя меру наказания. Не смог бы, точнее. Ведь Дед – мужик не дурной и тебя знает прекрасно. Он нарочно устроил этот спектакль, чтоб ты где-нибудь прокололся, и прекрасно добился поставленной цели.

– Омоновец, – снова вздохнул Саша.

– Ага. Сопротивление работнику милиции при исполнении служебных обязанностей, нанесение телесных повреждений средней степени тяжести. Этого вполне хватит, чтоб посадить тебя года на три.

– Хрена с два, – зло сверкнул глазами Фролов. – Нарушение инструкции и незаконное задержание. Что-то я повестки не видел! Плюс жестокое обращение в момент задержания. Пойдет? В течение трех суток сниму побои и...

– Ничего не выйдет. Ты оказал сопротивление, и они применили силу. Статья пятнадцатая закона «О милиции Украины». А что ты говорил о нарушении инструкции?

– Сержант замахнулся до того, как сказал мне формулу задержания. Я и ответил. Веришь?

– Да уж... Рефлексы?

– Что-то вроде того.

– Доказать это будет невозможно в принципе, поскольку никто из пятерых в жизни не напишет, что Виктор напал на тебя первым. А других свидетелей нет. Единственное для тебя спасение – это журналистская шумиха вокруг твоего дела. Этим шакалам от пера только дай повод потявкать на Деда! Тем более тут есть за что зацепиться... Коррупцированный генерал выгораживает племянника-хулигана, а ветеран всех мыслимых войн, защитник обиженных томится в сырых застенках. Как?

– Мне нравится. Особенно про защитника обиженных, – усмехнулся Саша.

– В газетах будет смотреться еще лучше, весь город загудит, как очередь за бензином. Если до журналистов дойдет хоть малейший слухок, то они раздуют такую бурю, что только держись! В этом случае Дед сам спустит дело на тормозах, поскольку на его посту не замараться – надо святым быть, а журналюги вывернут наизнанку все грязное белье, какое только найдут. Но это лишь в том случае, если слухи выползут наружу.

– В смысле?

– Ну... Информация пока закрытая, никаких свидетелей нет, – замялся следователь:

– А ты?!

– Что я? Я ничего не видел. Честно. Выскочил, когда ты уже носом в стенку уперся.

Саша несколько опешил. А ведь Владислав Петрович прав! С ужасающей ясностью Фролов понял, что это как раз и есть та самая честность, о которой он размышлял сегодня все проведенное в камере время. И если следователь скажет то, чего не видел собственными глазами, если станет выгораживать старого друга, то окажется ничем не лучше милицейского генерала, выгораживающего нагадившего племянника.

Снова затрещала по швам теория объективности Добра, которая скрупулезно выстраивалась несколько лет. Саша прикрыл глаза и чуть опустил голову. «Какая тут к чертям объективность, если одно и то же действие я сам с удоволь-

ствием восприму как Добро, а для Деда это будет самое настоящее Зло? Но нет же! Сколько раз эта теория находила блестящие подтверждения. Что-то я недоглядел, что-то тут не так. Не может предательство быть Добром, как ни крути. Хоть тресни! А ведь честность Владислава Петровича обернется именно предательством по отношению ко мне... Он сам-то понимает это? Да какая разница! Самому бы разобраться вначале».

– Чего притих? – спросил следователь.

– Дай подумать, а?

– Валяй. Я схожу позвоню. Наручники не давят?

– Переживу.

Саша глянул вслед вышедшему в коридор другу и снова погрузился в невеселые мысли. «Так... Начнем с самого начала, с того, как мы эту теорию строили. И для чего».

Вариация 8

14 ИЮНЯ. ТЕОРИЯ ДОБРА И ЗЛА

Еще в юности Фролов не раз удивлялся, как по-разному воспринимают благо разные люди. Правда, тогда это мало его трогало – юношеские проблемы, первая любовь и вообще выбор пути занимали его мысли гораздо сильнее. Но прошло несколько лет, и на старенькой видеокассете у одной из своих подружек он увидел фильм «Рембо-3». Это оставило в памяти настолько значимый след, что именно этот день Саша для себя обозначил как начало создания безумной теории, призванной разграничить Добро и Зло. Ему было шестнадцать лет, только закончилась афганская война, и слова «добро» и «зло» еще не писались для него с большой буквы, но расставленные в фильме акценты с невероятной очевидностью показали, что любые события можно повернуть диаметрально противоположно привычным.

Это удивило, насторожило, но особых исканий не вызвало, пока жизнь не забросила его на срочную, а потом и сверхсрочную службу в спецчасти морской пехоты. Точнее, до тех пор, пока не пришлось убивать... Служба снайпера в мирное время мало чем отличается от любой другой в спецназе – изнурительные тренировки до потемнения в глазах, занятия

рукопашным боем, владение самым разным оружием, взрывное дело, вождение, прыжки с парашютом, морские высадки, стрельбы. Но когда неумолимая тень войны заштриховывает мирную жизнь, все становится иначе. И если для любого спецназовца смертельный риск боевой операции и работа на грани возможности не всегда связаны с убийством, то каждый выстрел снайпера направлен в живое. Его работа – убийство. За это ему платят деньги, и именно это он умеет делать лучше всего. Убивать.

Не сражаться, не защищать, а именно убивать. Достаточно подло, оставаясь невидимым в хорошо укрытой засаде, почти не рискуя, если предательское солнце не коснется прямым лучом линзы прицела и если помощница-ночь не пропустит через себя едва уловимую искорку, вырвавшуюся из пламегасителя. И если он не может этого делать, то грош ему цена. Как снайперу. А как человеку?

Даже после самых горячих боев, когда приходилось стрелять почти не целясь, Саша помнил лица всех убитых врагов, мог уверенно назвать окрас и породу каждой застреленной сторожевой собаки. Злые шутки порой играет с нами память, но эти лица часто возвращались в снах, словно кто-то с нарочитым садизмом прокручивал длинную пленку, записанную электронным прицелом. Лицо, выстрел, тьма... Снова лицо и снова выстрел...

Саша мог с уверенностью назвать точное число этих лиц, но даже перед самим собой он боялся это сделать. Они были

очень разными, эти лица... Русские, прибалтийцы, чеченцы, арабы, солдаты, шоферы, связисты, даже женские лица были, но о них вспоминать труднее всего.

Поначалу, когда еще не было и пяти зарубок на прикладе его первой винтовки, он убивал не задумываясь, просто потому, что в прицеле был враг, и потому, что таков был приказ. Но чуть позже, особенно когда война для него кончилась и пошла служба в СОБР МВД Украины, четкость позиции «свой-чужой» сильно размылась. Кругом царил мир, раскинулся город, жили люди, улыбались, ходили по магазинам. И среди них, частью этой всеобщей массы, словно раковая опухоль, жила преступность. Не та преступность, которая тырит мелочь по карманам, а мощная злая сила, которая ни перед чем не остановится в страстном порыве добыть деньги. Ни перед унижением, ни перед запугиванием, ни перед убийством.

И в борьбе с этой силой понадобилось универсальное средство, способное четко и ясно разграничить Добро и Зло, гораздо четче и правильной, чем приказ или перекрестье прицела. Ведь если на войне враг был явным, имел четкое местоположение и отличался от «своих» как внешним видом, так и каждым действием, то в городе врагов не было во все. Были только преступники, то есть лица, преступившие закон. А каждый знает, что преступником человека может назвать только суд. Да и то... В Уголовном кодексе всегда были и есть преступления, которые ничего общего не име-

ют с понятиями Добра и Зла, а затрагивают только интересы совсем не безгрешного организма под названием «государство».

Поначалу задача казалась неразрешимой – разные люди, разные устремления, разные страхи. Для жены преступника убийство мужа окажется страшным злом, а для милиционера, совершившего его при исполнении, вполне конкретным добром, выраженным в благодарностях и чувстве выполненного долга. Но что-то в этом было худое, что-то неправильное – одни только погоны и возложенная государством задача не могут и не должны быть индульгенцией на убийство. Ведь именно неважные законы, размывшие границу между Добром и Злом, стали причиной, по которой милиционеров прозвали «ментами», вложив в это прозвище всю ненависть и пренебрежение к людям, прикрывающимся лишь широкой грудью государства, а не собственной совестью.

А государство, начавшее свой путь с революции, гражданской войны, террора и репрессий, не могло не размывать эту границу, поскольку не имело собственной совести, заменив ее коммунистическими суррогатами чести и долга. Не за идеологию уравниловки ненавидел Фролов коммунистов, а именно за ясное и конкретное провозглашение необъективности Добра. Все, что хорошо для класса, захватившего власть силой, то хорошо в принципе, то, по мнению коммунистов, и есть Добро. За него, за это Добро, можно убивать не задумываясь, можно грабить, то бишь национализи-

ровать, можно высылать целые народы, предавать родителей, расстреливать тысячи людей, как скот на бойне... Все это не просто можно, а нужно делать для блага «людей труда». Потому что все остальные ОБЪЯВЛЕНЫ врагами. Партия так сказала. Все. Незачем думать.

А потом, коль что не сладится, можно эти действия осудить на очередном или внеочередном съезде, пожурить виноватых, а самых злостных даже расстрелять. На всякий случай. Пролетариату от этого хуже не станет.

Коммунисты продержались семьдесят лет только благодаря двум вещам: пролетариат был наиболее многочисленным классом и не было в новейшей истории власти более жестокой, более склонной к подавлению любой оппозиции, чем советская. Если бы царский режим судил революционеров по тем законам и теми мерами, какие потом использовали они, то мы до сих пор бы жили в Российской империи и ни одна собака не могла бы даже пискнуть под железной пятой монархии.

Чего стоила несчастная царская охранка, высылающая оппозиционеров в Сибирь и уничтожавшая только явных киллеров вроде Саши Ульянова? Да ничего по сравнению с жуткими конвейерами смерти в подвалах НКВД, с показательными судами, с отречением детей от родителей... Вот это была работа! Вот это был прессинг! Даже фашизм вряд ли сравнится по жестокости с коммунизмом, хотя размах у фашизма был больше, на этом они и сгорели. Коммунисты на-

рекли Добром пользу для одного класса, а фашисты пользу для одной нации. И в чем разница? Те же лагеря, те же расстрелы. Только немцы подходили даже к этому с исконно национальной практичностью, а бесшабашные русские наслаждались жестокостью ради жестокости. Или просто пытались выжить, по приказу убивая других. Кто как. Но разницы нет. По формуле Нюрнбергского процесса, приказы начальства не являются оправданием для исполнителей преступлений перед человечеством. И хотя сам процесс, как любая показуха, не был непререкаемым авторитетом, но в этой его формуле была великая правда – каждый должен иметь собственную совесть, а не подменять ее коллективной, сваливая ответственность на вожаков.

Сколько же ходит еще по земле тех безымянно-бесфамильных чекистов, которые хладнокровно расстреливали ни в чем не повинных людей в мокрых от крови душевых и загаженных кошками подвалах? Коммунизм отпустил им грехи во имя себя. Он это может. Ведь именно он заменил собой бога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.